ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОТЧЕТЫ

1089-е ЗАСЕДАНИЕ
7 ФЕВРАЛЯ 1964 ГОДА

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОД

НЬЮ-ЙОРК

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предварительная повестка дня (S/Agenda/1089)	1
Утверждение повестки дня	1
Индо-пакистанский вопрос:	
Письмо министра иностранных дел Пакистана от 16 января 1964 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/5517);	
Письмо постоянного представителя Индии от 24 января 1964 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/5522) . .	1

S/PV.1089

ПРИМЕЧАНИЕ

Документы, относящиеся к отчетам заседаний Совета Безопасности, публикуются в квартальных дополнениях к *Официальным отчетам.*

Условные обозначения документов Организации Объединенных Наций состоят из прописных букв и цифр. Когда такое обозначение встречается в тексте, оно служит указанием на соответствующий документ Организации Объединенных Наций.

ТЫСЯЧА ВОСЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Пятница, 7 февраля 1964 года, 15 час. *Нью-Йорк*

Председатель: **г-н Карлос Альфредо БЕРНАРДЕС (Бразилия)**

Присутствуют представители следующих стран: Берега Слоновой Кости, Боливии, Бразилии, Китая, Марокко, Норвегии, Соединенных Штатов Америки, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Союза Советских Социалистических Республик, Франции, Чехословакии.

Предварительная повестка дня (S/Agenda/1089)

1. Утверждение повестки дня.

2. Индо-пакистанский вопрос:

Письмо министра иностранных дел Пакистана от 16 января 1964 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/5517);

Письмо постоянного представителя Индии от 24 января 1964 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/5522).

Утверждение повестки дня

Повестка дня утверждается.

Индо-пакистанский вопрос

Письмо министра иностранных дел Пакистана от 16 января 1964 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/5517);

Письмо постоянного представителя Индии от 24 января 1964 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/5522)

1. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(говорит по-английски)*: В соответствии с ранее принятыми Советом решениями я приглашаю представителей Индии и Пакистана принять участие в обсуждении этого вопроса.

По приглашению Председателя г-н М. К. Чагла (Индия) и г-н З. А. Бхутто (Пакистан) занимают места за столом Совета.

2. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(говорит по-английски)*: Совет Безопасности продолжает обсуждение стоящего на его повестке дня вопроса. Первым оратором в моем списке на сегодняшнее вечернее заседание является представитель Пакистана, которому я предоставляю слово.

3. Г-н БХУТТО (Пакистан) *(говорит по-английски)*: В самом начале своего выступления на прошлом заседании, состоявшемся два дня назад, министр просвещения Индии заявил, что Совет Безопасности никогда не предназначался для того, чтобы служить платформой для ведения пропаганды против какого-либо государства-члена. У членов Совета было время, чтобы изучить заявление представителя Индии, и они могут судить, насколько он следовал своему же авторитетному заявлению.

4. Представитель Индии, упорно отказываясь признать реально существующие факты и вопросы, полностью игнорируя аргументы, выдвинутые Пакистаном, посвятил свое выступление от начала до конца безответственным обвинениям в адрес Пакистана, обвиняя его в совершении самых невероятных преступлений. Прежде всего, сам факт, что Пакистан осмелился обратиться в Совет Безопасности — орган, несущий главную ответственность за поддержание мира, является в глазах Индии проступком Пакистана и свидетельствует о его «пропагандистских» намерениях.

5. Затем он обвинил Пакистан в том, что он представляет собой теократическое государство, и утверждал, что Индия является государством светским, Индия, в которой со времени получения независимости произошло 550 религиозно-общинных бунтов, Индия, как заявил ее представитель, является современным, рациональным и светским государством, в то время как Пакистан — реакционное государство. По его словам, философия Пакистана строится на том, что в силу природы вещей мусульмане должны ненавидеть индусов, а индусы должны ненавидеть мусульман. Он заявил, что политика Пакистана основана на ненависти между религиозными общинами и фанатизме и что правительство Пакистана

«умышленно и с определенной целью создало атмосферу, в которой в Восточном Пакистане могли начаться беспорядки» (1088-е заседание, пункт 59). Затем, превратившись из обвинителя в судью, он вынес приговор, заявив, что «правительство Пакистана не может снять с себя ответственность за гибель этих ни в чем не повинных людей» *(там же)*. Он заявил, что Пакистан настойчиво требует проведения плебисцита лишь для того, чтобы «попытаться возбудить общинные страсти в Кашмире, заставив поверить население этого княжества, что его религия подвергается опасности, и возобновить ужасные события времен раздела Индии в 1947 году: кровопролития, переселения огромных масс людей, невероятные страдания населения» (1088-е заседание, пункт 32).

6. Помимо этого Пакистан, по мнению представителя Индии, «играет на руку китайцам, ослабляя внутреннее положение в Индии и подрывая оборонительные мероприятия в отношении Китая» (*там же,* пункт 8), с тем чтобы не дать Индии возможности сыграть присвоенную ею роль спасителя всего мира от Китая. Постоянный представитель Индии в начале заседания Совета Безопасности обещал, что на данном заседании будет то, что называется облить грязью. Члены Совета Безопасности согласятся с тем, что министр просвещения Индии не обманул ожиданий постоянного представителя его страны. Я отвергаю самым категорическим образом лживые и обсурдные обвинения, выдвинутые против моего правительства.

7. По самому же кашмирскому вопросу представитель Индии не сказал ничего нового. Члены Совета, изучавшие этот вопрос, знакомы со всеми его аргументами относительно якобы имевшей место агрессии со стороны Пакистана, абсолютного права махараджи-деспота лишать народ Кашмира прав одним росчерком пера, присвоения Индией имперской мантии сюзеренитета, выборов, состоявшихся три раза в Кашмире под контролем четырех расположенных там индийских дивизий. Эти аргументы так же противоречивы, как и неубедительны. Тем не менее ради сохранения истины я должен разъяснить неправильные заявления и искажения, с помощью которых представитель Индии пытался запутать простой вопрос о самоопределении, лежащий в основе кашмирской проблемы. Однако прежде чем перейти к этому, позвольте мне кратко остановиться на серьезных обвинениях, выдвинутых представителем Индии против моего правительства и моей страны.

8. С большим нежеланием я перехожу теперь к вопросу о религиозных беспорядках, недавно начавшихся в моей стране и в Индии. В своем прошлом выступлении в Совете (1087-е заседание) я воздержался от подробного изложения ситуации, сложившейся между религиозными общинами, с тем чтобы не ухудшать существующее серьезное положение. Министр просвещения Индии, выдвинув безответственные, необоснованные и провокационные обвинения в адрес моей страны, фактически подлил масла в огонь, и я лишь сожалею о том, что он стал на путь клеветы и измышлений для подкрепления позиции Индии по кашмирскому вопросу. Я не выполнил бы свой долг, если бы не представил истинную картину того, как относятся к меньшинствам «в светской современной рациональной» Индии.

9. Министр просвещения Индии сказал: «...если бы нас оставили в покое, у нас не было бы никаких общинных беспорядков» (1088-е заседание, пункт 59). Как он может совместить это заявление с тем фактом, что со времени заключения Соглашения о меньшинствах между премьер-министром Пакистана и премьер-министром Индии в апреле 1950 года в Индии более 550 раз возникали беспорядки? После 1950 года едва ли один мусульманский праздник прошел в Индии без того, чтобы мусульманское общество не подвергалось нападениям религиозных фанатиков в том или ином районе Индии. С другой стороны, в Пакистане, за исключением двух или трех случаев беспорядков, между религиозными общинами царил полный мир до начала недавних волнений. В марте 1961 года в Джуббулпуре имели место массовые убийства мусульман, и главный министр штата Мадхья Прадеш, как сообщают, заявил, что город «был похож на площадку для кремации». Разве в то время Индию не оставляли в покое?

10. Министр внутренних дел штата Уттар Прадеш признал в октябре 1961 года, что за имевшими в то время место мусульманскими погромами кроется широко разветвленный заговор. Он заявил:

> «Можно с уверенностью сказать, что во всех этих инцидентах просматривается определенный план. Убийства совершались ударами ножа, наносимыми молодыми людьми из таких слоев нашего населения, представители которых упали бы в обморок при виде крови».

Далее он сказал:

> «Это показывает, что этих людей научили убивать. Было бы не удивительно, если бы со временем количество и размах общинных инцидентов возрастали».

Разве этот индийский чиновник говорил, что этих убийц готовили в Пакистане? Может ли он сказать, что за спиной заговорщиков стоит Пакистан? Разве Пакистан подстрекал индийских индусов убивать мусульман? Разве в то время Индия не была оставлена в покое?

11. Выступая в индийском парламенте, ветеран борьбы Индии за независимость г-н Саед Бадруддужа так описал агонию, переживаемую индийскими мусульманами, когда совершались зверства в Джуббулпуре и Мальде:

> «Даже в этой светской демократической стране мусульмане и все меньшинства Индии испытывают ужасные страдания. Мы опаса-

лись, что у меньшинств не будет места для жилья, не будет крова, не будет возможности для свободного выражения своих чувств. В политическом, общественном, культурном, экономическом и даже физическом отношении они могли оказаться во власти сил реакции. Именно это произошло».

Этот член индийского парламента заявил далее

«Мусульмане подвергались невероятным преследованиям. Их пытали с утонченной жестокостью и варварским неистовством. По своей злобе, жестокости, неистовству, преступности события в Джуббулпуре и Мальде превосходят любые события, имевшие место за годы британского правления».

Это систематическое избиение мусульман следовало плану, который был особенно заметен в ходе последних бунтов, когда нападения на мусульман преследовали цель изгнать их из Западной Бенгалии, заставить их искать крова в Восточном Пакистане. Помимо того что было убито много мужчин, женщин и детей, их дома поджигались, их магазины и предприятия подвергались разграблению и уничтожались, с тем чтобы одним ударом лишить их крова и средств к существованию. Тот факт, что с того времени воинственно настроенные индусские организации открыто требовали произвести обмен населением, подтверждает опасения, испытываемые моим государством, о том, что подлинная цель, которую преследовали люди, несущие ответственность за эти бунты, заключается в том, чтобы изгнать мусульман Западной Бенгалии в Восточный Пакистан.

12. Представитель Индии обвинил Пакистан в том, что он вызвал недавние беспорядки. Я не хочу испытывать терпение Совета перечислением чудовищных заголовков и сообщений в индийских газетах, издающихся в Западной Бенгалии, относительно достойных сожаления инцидентов, имеющих место в Кхулне и Джессоре. Давайте вместо этого обратимся к свидетельству беспристрастных иностранных наблюдений. В отношении недавних беспорядков в сообщении калькуттского корреспондента лондонской газеты «Обсервер» Джеймса Митчелла от 25 января говорится:

«Несмотря на то что участники беспорядков не делали большого секрета из своих планов, в первые дни полиция, казалось, была везде, за исключением тех улиц, где совершались нападения».

Он объясняет «черную неделю Калькутты» «бездействием полиции» и заявляет, что власти «позволили, чтобы ситуация полностью вышла из-под контроля», а также что в результате этого было убито около 500 человек. По его сообщению, десятки тысяч людей лишились своих домов после начала беспорядков, поскольку заинтересованные лица выплачивали крупные суммы денег для продолжения беспорядков, с тем чтобы домовладельцы могли очистить свою землю от бедных квартиросъемщиков. Разве этот леденящий душу план был инспирирован Пакистаном?

13. Много было сказано о принципе светского государства в Индии. Калькуттская ежедневная газета «Нью-Эйдж» 19 января 1964 года писала:

«К сожалению, светские партии оказались неспособными проявить должную инициативу в этом вопросе и так называемые националистические газеты раздували религиозно-общинную ненависть. «Джан Сангх» и «Хинду Махасабха» уже приступили к действиям, разжигая фанатизм. Все это содействовало быстрому ухудшению обстановки».

14. Я не намеревался приводить эти ужасающие факты, однако я был убежден сделать это из-за обвинений, выдвинутых в Совете в адрес моего правительства. Я был поражен, увидев, что министр просвещения Индии поддался искушению и стал цитировать весьма преувеличенные данные о количестве убитых в ходе недавних беспорядков в Восточном Пакистане на основе сообщения агентства Рейтер. Источники в Дакке, на которые ссылался корреспондент агентства Рейтер, сами опровергли невероятно преувеличенные данные, которые были здесь приведены. Я сожалею, что министр просвещения Индии был вынужден прибегнуть к непроверенным сообщениям, которые, как ему следовало бы знать, были опровергнуты. 24 января канцелярия Верховного комиссара Пакистана в Нью-Дели немедленно опубликовала соответствующее опровержение. Безответственность, проявляемая органами печати индийского правительства, распространившими эти лживые и поджигательские сообщения, заслужила по достоинству строгую критику лондонской «Таймс». В номере этой газеты от 23 января ее делийский корреспондент писал:

«Серьезность намерений индийского правительства не допустить распространения сообщений относительно общинных волнений в Пакистане была сегодня поставлена под сомнение всеиндийским радио, давшим соответствующую оценку сообщению корреспондента агентства Рейтер из Дакки. В обзоре новостей, переданном по радио в полдень, это сообщение шло в первую очередь, и оно по-прежнему занимает важное место в последних известиях, переданных сегодня по радио позднее. Всеиндийское радио — это послушный орган правительства, и такая подача этого сообщения говорит о том, что Дели не в такой степени опасается возможных последствий этого в Западной Бенгалии, как его должны были научить недавние события».

15. Мое правительство твердо придерживается мнения, что безопасность и мир между религиозными общинами являются неотъемлемым условием жизни цивилизованного общества. Мое правительство мобилизовало все свои ресурсы, чтобы полностью контролировать ситуацию в Пакистане. Мне придется несколько подробнее остановиться на этом вопросе не только для того, чтобы

опровергнуть лживые утверждения, сделанные Индией, но и для того, чтобы подчеркнуть один главный факт: именно отказ народу Джамму и Кашмира в праве на самоопределение является постоянным источником напряженности. Это ухудшает отношения между Индией и Пакистаном. Многочисленные зверские нападения на мусульманское меньшинство, имевшие место в Индии со времени получения ею независимости в 1947 году, являются следствием этого продолжающего тлеть спора.

16. Именно на эту позицию правительства Индии, в результате которой в Кашмире и некоторых других районах Индии установилась атмосфера насилия, я обращал ваше внимание в своем письме от 16 января 1964 года (S/5517) [1], из которого я привожу следующую выдержку:

> «Именно в такой атмосфере, при которой индийские правители с презрением относятся к политическим, религиозным и культурным правам народа этого княжества, могут происходить такие преступные акты святотатства и вандализма, как недавняя кража священного волоса... из ...храма Хазратбал вблизи Сринагара и попытка сжечь мусульманский храм в Киштваре в провинции Джамму».

Именно эта атмосфера поощряет воинственно настроенные организации в Индии к частым общинным беспорядкам и нападениям на мусульман, а также их требования об изгнании мусульман из Индии в обмен на индусское меньшинство в Пакистане. Именно это пренебрежение к правам человека лежит в основе нынешних волнений в Кашмире и является причиной серьезной напряженности между религиозными общинами в Западной Бенгалии. Все это следствие того факта, что кашмирский вопрос остается нерешенным в течение шестнадцати лет.

17. Говоря об изгнании индийских мусульман из Трипуры, Ассама и районов, граничащих с Западной Бенгалией, министр просвещения Индии прикрывался внушительными данными переписи населения. Он назвал районы Ноакхали, Комиллы, Силхета и Бакарганджа, где относительно медленный рост населения приписывается переселению мусульманского населения в Индию. Из этих районов Бакаргандж не имеет общей границы с какой-либо частью Индии и не может иметь никакого отношения к данному вопросу.

18. Интересно отметить, что представитель Индии упомянул лишь три пограничных района, в то время как есть и другие пограничные районы, такие как Майменсингх, Рангпур, Динаджпур, Раджшахи, Куштия и другие, однако он старательно опустил их. Причину этого легко установить. Упомянутые им районы Западной Бенгалии, где имел место относительно высокий прирост мусульманского населения, не граничат с пакистанскими районами, в которых были зарегистрированы низкие темпы прироста мусульманского населения. Таким образом, совершенно ясно, что не может быть никакой связи между этими тенденциями роста народонаселения. Можно опровергнуть приведенные им аргументы, сославшись на отчеты о переписи в Индии и Пакистане, чтобы доказать, что выдвинутые им доводы основаны лишь на подтасованных цифрах. Даже не рассматривая подробные отчеты о переписи, можно прийти к определенным очевидным выводам, прибегая лишь к здравому смыслу.

19. В 1952 году для всестороннего контролирования перехода индийцев и пакистанцев через границу была введена система паспортов и виз. Индийские власти создали густую сеть пограничных контрольных пунктов для преграждения доступа неиндийцев на индийскую территорию недозволенными путями. В результате этих ограничительных мер переход населения в Ассам, Трипуру и Западную Бенгалию почти полностью прекратился.

20. Помимо этих ограничений следует вспомнить и религиозно-общинные страсти и напряженность, существовавшие во время раздела индопакистанского субконтинента, чтобы понять невозможность массового переселения мусульман из Пакистана в Индию. Помня о невероятных страданиях, человеческих жертвах и уничтожении имущества, невозможно себе представить, чтобы, как утверждается Индией, сотни тысяч мусульман отказались от безопасного существования у себя на родине в Пакистане и переселились с женщинами и детьми туда, где по ту сторону границы, во враждебной стране, их ожидает неуверенность в будущем и опасность.

21. Однако давайте не будем втягиваться в педантичный спор, поскольку мы в данном случае имеем дело не с холодными статистическими данными, а с человеческой трагедией. Дело в том, что сотни и тысячи ни в чем не повинных мужчин, женщин и детей изгоняются за границу, что является составной частью обдуманного и жестокого заговора, направленного на то, чтобы отделаться от мусульманских граждан, находящихся на индийской территории, граничащей с Восточным Пакистаном. Специальный корреспондент лондонской «Таймс» в своем сообщении от 5 декабря 1963 года пишет о том, чему он был свидетелем:

> «В лагерях района Комиллы в Пакистане находятся тысячи мусульман, насильственно изгнанных из своих домов в Индии и вынужденных переселиться в Восточный Пакистан. Предлогом для их выселения служит то, что эти люди незаконно вступили на индийскую территорию в районе Трипуры... и их сейчас отсылают обратно. Представленные ими свидетельства говорят о том, что большинство их издавна жило в Трипуре несколькими поколениями».

Он далее пишет:

> «Однако эти долго жившие в этом районе мусульмане, которые изгоняются из Индии,

[1] *Официальные отчеты Совета Безопасности, девятнадцатый год, Дополнение за январь, февраль и март 1964 года.*

прибывают в Восточный Пакистан как несчастные беженцы, которым негде жить, и сейчас правительству приходится заботиться об около 47 тысяч человек. Изгнание населения началось в середине прошлого года, когда каждую неделю границу переходили сотни людей. Сейчас людской поток достиг предела вследствие того, что мусульмане бегут от враждебной атмосферы, видимо, вызванной в Трипуре этими массовыми выселениями.

В лучшем случае жители Трипура — законные граждане, которые были выселены и брошены по другую сторону границы без каких-либо формальных объяснений или же лишь с самыми туманными объяснениями, являются жертвами местных властей этой территории, превышающих свои полномочия, что не совсем понимается в Дели. Их действия могут быть вызваны действиями местных сил общинной вражды и стремлением захватить чужую землю, тем не менее эти силы действуют несправедливо и бесчеловечно».

22. Специальный корреспондент лондонской газеты «Таймс» далее пишет:

«Некоторые получили вызов в суд с предупреждением, что они будут выселены, если они не смогут доказать, что они жили в Индии до 1952 года. Эти люди рассказывают, что они явились в суд со своими документами и что судебный исполнитель им заявил, что он произведет дальнейшее расследование, однако через день или два в их деревни прибыли полицейские грузовики, они были насильно погружены на них и доставлены на границу. Другие не получили ни вызова в суд, ни предупреждения до того, как появились полицейские машины. Некоторые документы остались в суде или были уничтожены выселявшими их полицейскими...».

23. Однако, несмотря на это, министр просвещения Индии красноречиво распространялся о том, как в его стране соблюдается законная практика. Он заявил: «Я хотел бы также отметить, что выселять людей из Индии можно только в соответствии с положениями закона» (1088-е заседание, пункт 75). Учитывая заявления беспристрастных наблюдателей относительно выполнения положений закона, я считаю, что дальнейшие комментарии излишни. В заключение сообщения корреспондента газеты «Таймс» говорится:

«...нельзя опровергнуть то, что индийским мусульманам в Трипуре наносится огромный ущерб. При рассмотрении того, что, по мнению индийского правительства, является проблемой мусульман, живущих на этой территории и не имеющих законного права там находиться, это правительство могло бы также рассмотреть аналогичную проблему в Цейлоне, где местное правительство хотело бы отделаться от миллионов индийцев».

24. Вот что пишет беспристрастный наблюдатель из ведущей английской газеты относительно зверских и бесчеловечных методов, применяемых при массовых выселениях индийских мусульман из Ассама, Трипуры и Западной Бенгалии. Председатель партии «Хинду Махасабха» г-н В. Г. Дешпанде заявил 15 января 1964 года, что обмен населения на основе договоренности между двумя правительствами — это единственный путь обеспечить безопасность меньшинств в Индии и Пакистане. Он сказал: «Они» — то есть индусы — «должны быть доставлены в Индию, а мусульманское население Ассама и Западной Бенгалии должно быть направлено в Восточный Пакистан». Требования об обмене населения выдвигались на митингах и в передовицах газет во многих частях Индии. Все это приводит к одному выводу, а именно что существует тенденция выселить индийских мусульман при помощи незаконных и бесчеловечных методов из индийской территории, граничащей с Восточным Пакистаном, не из-за какого-то совершенного ими проступка, а лишь на основании того факта, что они являются мусульманами.

25. Министр просвещения Индии утверждал, что все эти десятки тысяч индийских мусульман, насильственно выселенные из их очагов и домов и вывезенные через границу в Восточный Пакистан, не являются индийскими гражданами. Если бы это было так, Индия не должна была бы возражать против того, чтобы эти факты подверглись беспристрастному расследованию.

26. Выступая по этому вопросу в Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций 30 сентября 1963 года, я говорил:

«Я хотел бы заявить здесь перед вами, что вопрос о том, изгоняются ли эти люди насильственно или они незаконно проникли на территорию Индии, может быть решен комиссией Организации Объединенных Наций по расследованию, какой-либо международной комиссией по расследованию... или какой-либо комиссией, состоящей из представителей третьей стороны, на которую согласятся Индия и Пакистан. Эти факты можно легко проверить. Любая комиссия может определить, являются ли эти несчастные беспомощные люди, изгнанные индийскими штыками в Пакистан, индийцами или пакистанцами» [2].

Мы заявляем это и сегодня. Мы готовы предоставить возможность международной комиссии изучить этот вопрос. Если Индия невиновна, как она это заявляет, пусть она согласится на создание международной комиссии для проверки фактов. На самом же деле Индия виновна в бесчеловечном и зверском обращении со своими же собственными гражданами из-за исповедуемой ими религии. Поистине печальное свидетельство ее претензий на светские принципы.

---

[2] См. *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, восемнадцатая сессия, Пленарные заседания,* 1221-е заседание, пункт 236.

27. Министр просвещения Индии заявил, что президент Пакистана отказался подписать совместное с президентом Индии обращение к нашим народам с призывом к миру и согласию и что Пакистан фактически также отверг предложение правительства Индии о встрече министров внутренних дел обеих стран и их поездке на места беспорядков, с тем чтобы предложить дальнейшие мероприятия по предотвращению подобного рода инцидентов.

28. В своем заявлении от 3 февраля (1087-е заседание) я уже высказался по вопросу о совместной декларации президентов обеих стран. Президент Пакистана отметил, что он уже обращался с призывом к народу Пакистана сохранять мир и согласие между общинами и что необходимо предпринять сдерживающие меры против уголовных элементов и лиц, провоцирующих общинные беспорядки, виновных в возникновении волнений в обеих странах, и обеспечить безопасность беженцам из числа религиозных меньшинств, чтобы дать им возможность вернуться в свои дома. Со своей стороны, мое правительство немедленно предприняло эти меры, и пламя религиозно-общинных беспорядков было потушено в моеи стране.

29. Пакистан не отклонял предложение правительства Индии о встрече министров внутренних дел обоих правительств. Мы дали на это предложение позитивный и конструктивный ответ, а именно, что, как только порядок будет восстановлен, оба министра могли бы встретиться в Равалпинди в Пакистане или в Дели в Индии для обсуждения мер, необходимых для того, чтобы беженцы, бросившие свои дома в результате общинных беспорядков, а также те люди, которые были выселены Индией из Ассама, Трипуры и Западной Бенгалии за последние два года, могли бы вернуться домой.

30. Мое правительство проводит политику содействия возвращению беженцев домой. Мое правительство дало обязательство обеспечить им безопасность, сохранить их имущество, а также восстановить их доверие. Заявление министра внутренних дел Индии от 29 января о том, что условия в Восточном Пакистане привели к тому, что переселение индусов становится неизбежным и что порядок выдачи им разрешения на переселение из Восточного Пакистана должен быть облегчен, несомненно, подтолкнет их к переселению. Мы сожалеем об этом заявлении, тем более что в Восточном Пакистане полностью было восстановлено согласие между общинами. Мое правительство опасается, что если в результате политики Индии, направленной на содействие переселению, будет иметь место новая волна переселения индусов в Индию, жизнь мусульманского меньшинства в Восточной Бенгалии, Калькутте, да и в других частях Индии будет в еще большей степени поставлена под угрозу.

31. Во время религиозных беспорядков в Калькутте Верховного комиссара Пакистана осаждали тысячи мусульман, требующих немедленной выдачи им разрешений на выезд в Восточный Пакистан. Мы не пошли на это. Несмотря на кровопролитие в Калькутте, пакистанские руководители не делали каких-либо заявлений и не поощряли мусульман в Восточной Бенгалии или в каких-либо других районах Индии к переселению в Пакистан. По нашему мнению, разрешение этой проблемы — я должен повторить — зависит от восстановления мира и безопасности, создания чувства доверия у меньшинства и энергичных мер по предоставлению им нормальных условий жизни. Мы стремимся к сотрудничеству с правительством Индии в вопросе о предоставлении беженцам возможности вернуться домой.

32. Представитель Индии допустил пренебрежительные высказывания относительно демократических институтов Пакистана. Я хотел бы напомнить ему, что каждая страна имеет право строить свои институты самоуправления так, как это ей хочется. Нет необходимости в том, чтобы я перечислял примеры современных и прогрессивных стран, которые на собственном опыте установили, что система косвенных выборов и коллегия выборщиков наилучшим образом отвечают их политическим и конституционным потребностям. Пакистан не единственная страна в мире, в которой выборы президента и парламента происходят с помощью коллегии выборщиков. Парламентская форма правления не является единственной формой демократического правительства. Многие страны, в частности в Азии, Африке и Латинской Америке, даже в Европе, а также Соединенные Штаты считают, что система президентского правления необходима для обеспечения их стабильности и экономического прогресса.

33. Министр просвещения Индии назвал Пакистан «теократическим государством». Я хотел бы задать ему вопрос, управляет ли нами иерархия священников? Официальное название нашего государства — Исламская Республика Пакистан. Разве это название делает нас теократическим государством? Ряд мусульманских стран — членов Организации Объединенных Наций носят такое же название или признают ислам в качестве официальной государственной религии. Значит ли это, что ими управляет духовенство? В конституциях некоторых западноевропейских и латиноамериканских государств христианству отведено место официальной государственной религии. Представитель Индии — я убежден в этом — не назовет их из-за этого теократическими государствами.

34. Нам часто говорят, что в Индийском союзе гарантируются основные права. Это, безусловно, не является чем-то оригинальным. Все государства — члены Организации Объединенных Наций обязались уважать права человека, и они в общем обеспечивают их соблюдение. Конституция Пакистана не является исключением из этого правила, и мы не видим оснований претендовать на какие-то особые заслуги за то, что мы считаем всех граждан нашей Республики с ее различ-

ными национальностями, различными религиями и различными языками равными перед законом. Поэтому мы не считаем ни в коей мере необычным тот факт, что во главе судебной системы нашей Исламской Республики стоит пакистанский христианин. Верховный судья высшего суда Пакистана является пакистанским христианином, исповедующим католицизм, и он, согласно нашей конституции, является последней инстанцией при толковании всех законов, включая личные и религиозные законы мусульман, составляющих религиозное большинство в Пакистане. В высших органах нашего государства представлены религиозные меньшинства, руководители которых публично дали заверения в своей поддержке концепции и практики религиозной терпимости в Пакистане.

35. Нам говорят, что Индия более демократична, чем Пакистан. Сравнения — дело неприятное. Но в этой связи позвольте мне привести выдержку из заявления самого президента Индии, опубликованного в бомбейской газете «Индиан экспресс» от 4 октября 1963 года. Президент Радхакришнан, как сообщается, заявил:

> «В Индии в наше время существует не подлинная демократия, а лишь поддельная. Если бы мы были настоящими демократами — а я могу сказать, что мы таковыми не являемся, не было бы столько недовольства и недоброжелательства. Тогда бы не было никакого кумовства, коррупции и религиозных предрассудков, которые ведут нашу страну к деградации».

36. Представитель Индии допустил выпады по отношению к философским и духовным основам Пакистана. Он признал, что Индия и Пакистан являются двумя разными нациями, однако отверг «теорию двух наций». Основа этой «теории» заключается в том, что, поскольку индусское общество построено на основе древней религиозной кастовой системы, согласно которой положение человека определяется его принадлежностью к данной касте по рождению, по нисходящей или восходящей степени богатства и почитания, народ Пакистана стремился к созданию своего собственного государства в смежных районах с мусульманским большинством на северо-западе и северо-востоке субконтинента, где он мог бы следовать своему образу жизни, руководствуясь принципами равенства, на которых построена исламская религия. Кастовая система по своему характеру является исключительной. Она довлеет над жизнью тех, кто в нее входит, от колыбели до могилы. Несмотря на то что в индийской конституции предусмотрены основные права, кастовая система не была объявлена незаконной, хотя система каст неприкасаемых была наконец запрещена, пусть и формально. Выдающиеся философы прошлого пришли к выводу, что в замкнутых обществах заложена опасность распада изнутри. Это и произошло на этом субконтиненте в 1947 году.

37. Мы не можем понять, почему каждый раз, когда заходит речь о каком-либо споре, Индия спешит указать на свой демократический и светский характер, несмотря на то что индийское общество погрязло в кастовой системе, в корыстной системе, системе, которая не признает всех других людей, принадлежащих ко всем другим вероисповеданиям. Эта система ограничивается индусами. Все находящиеся за пределами кастовой системы хуже, чем неприкасаемые, они — недочеловеки. Вот почему я говорил, что с таким обществом, с таким положением, с таким образом мысли, царящим в Индии, в условиях такого обращения с меньшинствами, в условиях угнетения Кашмира, между нашими двумя странами не может быть действительного мира. Положите конец спору из-за Кашмира, и вы увидите, что мы можем жить в мире, а мы должны жить в мире. Нас разделяет только Кашмир.

38. Нет смысла необоснованно ссылаться на демократию. Индия выставляет напоказ свою демократию, как одряхлевший человек показывает свои искусственные зубы. Ее демократия настолько же фальшива, как и зубы одряхлевшего человека, который повсюду выставляет их напоказ. В Соединенном Королевстве также существует демократия. Разве представители Соединенного Королевства говорят о своих демократических институтах каждый раз, когда они обращаются в Совет Безопасности? Во Франции и Соединенных Штатах Америки существует проверенная временем и прочно основанная демократия. Упоминают ли они демократический характер своего общества в поисках урегулирования спорных вопросов? В Уставе Организации Объединенных Наций провозглашен принцип равенства всех наций, независимо от их внутренней системы. Какое имеет отношение внутреннее устройство Пакистана к урегулированию кашмирского спора?

39. Позвольте мне теперь обратиться к основному вопросу, стоящему перед Советом Безопасности. Представитель Индии даже не попытался разъяснить заявления правительства Индии, на которые я ссылался в ходе своего последнего выступления в Совете Безопасности, относительно того, что так называемое решение о присоединении было временным, условным и подлежащим утверждению народом Джамму и Кашмира путем проведения плебисцита под международным контролем. Вместо этого он решил отмахнуться от моего заявления, назвав его «смесью искажений», утверждая, что я «обошел молчанием вещественные факты и отказался признать ясные положения Акта о независимости Индии» (1088-е заседание, пункт 17). Нельзя доказать свою правоту, опуская или игнорируя неприятные факты.

40. В наших прошлых выступлениях в Совете Безопасности мы стремились подробно изложить нашу позицию относительно присоединения княжеств к Индии или к Пакистану. Естественно, что не возникает спора в отношении тех княжеств, в которых как правители, так и народ придерживались одного и того же мнения, и по этому поводу между Индией и Пакистаном конфликтов не возникало. Во всех этих случаях, ес-

тественно, правитель княжества подписывал акт о присоединении к той или другой стране, и ни между ним и его народом и ни между Индией и Пакистаном не возникало разногласий. Речь идет о тех княжествах, где правитель и его народ расходились во мнениях относительно присоединения. По этому вопросу министр просвещения Индии сделал три заявления, и я прошу Совет рассмотреть их не в связи с нашими аргументами, а в свете позиции, занятой перед всем миром правительством Индии. Я остановлюсь на каждом из этих заявлений в отдельности.

41. В первом заявлении говорится:

> «Важно отметить, что опрос населения княжеств законом не предусматривался. В нем не было также каких-либо положений относительно того, что решение о присоединении подлежит одобрению путем выяснения пожеланий населения присоединяющегося княжества» (*там же,* пункт 11).

Сравните это заявление с нижеследующим заявлением из Белой книги правительства Индии, опубликованным 10 августа 1948 года:

> «Правительство Индии твердо считает, что, какие бы суверенные права ни перешли к этим княжествам по прекращении суверенитета, они принадлежат народу, и в каждом княжестве должны быть созданы условия для свободного и беспрепятственного осуществления этих прав».

Или же сравните это с торжественным заявлением, сделанным представителем Индии на 227-м заседании Совета Безопасности:

> «Что касается вопроса о присоединении, то правительство Индии всегда провозглашало тот принцип, что во всех спорных случаях решение должно приниматься народом заинтересованного государства» [3].

Это совершенно ясное заявление. Суть его не только в том, что народ следует опросить, а в том, что именно народ должен принимать решение.

42. Как же можно сопоставить заявление, сделанное сейчас министром просвещения Индии, с заявлением, сделанным представителем Индии на 264-м заседании Совета Безопасности? Он заявил:

> «Несомненно, что правитель как глава княжества должен играть определенную роль в решении вопроса о присоединении. Когда между ним и его народом не возникает разногласий относительно выбора доминиона, к которому они хотят присоединиться, он подает заявление о присоединении к данному доминиону. Однако в тех случаях, когда они расходятся во мнениях, необходимо устанавливать, какова воля народа. Когда это точно установлено, правитель должен считаться с решением народа. Такова наша позиция в данном вопросе» [4].

Под словами «наша позиция» он подразумевает позицию правительства Индии. Следует отметить эти слова — «такова наша позиция». Однако эта позиция отличается от той, которая была выражена министром просвещения Индии.

43. А что он сказал бы о нижеследующем заявлении самого премьер-министра Индии, его же премьер-министра, сделанном на митинге в Нью-Дели и опубликованном в бомбейском издании газеты «Таймс оф Индиа» 7 июля 1952 года:

> «В любом случае с самого начала Индия обязалась соблюдать принцип предоставления последнего слова относительно присоединения народу княжеств, и» — заметьте эти слова — «мы не можем отойти от этого обязательства. Фактически именно поэтому Индия утвердила присоединение Кашмира лишь предварительно в 1947 году в ожидании волеизъявления народа».

Вот какое заявление было сделано премьер-министром Индии. Я мог бы развить этот аргумент, однако заявления премьер-министра Индии по крайней мере достаточно, чтобы опровергнуть тот тезис, который министр просвещения Индии сейчас пытается нам навязать.

44. Во втором заявлении министра просвещения Индии говорится:

> «В отношении религиозного состава населения княжеств вопрос вообще не возникал. Вопрос о том, должно ли данное княжество присоединиться к Индии или Пакистану, был оставлен на усмотрение правителя княжества» (1088-е заседание, пункт 12).

Разве это так? Я спрашиваю, разве не возникал вопрос в отношении религиозного состава населения княжеств? Министр просвещения Индии говорит, что нет, не возникал. Как же ответил на этот вопрос его премьер-министр в своей телеграмме от 8 ноября 1947 года, направленной премьер-министру Пакистана? Он сказал:

> «...однако в целях восстановления добрых отношений между обоими доминионами необходимо признать тот принцип, согласно которому в тех случаях, когда правитель княжества не принадлежит к религиозной общине, в которую входит большинство его подданных, и в тех случаях, когда данное княжество не присоединилось к тому доминиону, в котором религиозная община, составляющая большинство населения, является такой же, как и в данном княжестве, вопрос о том, считается ли княжество окончательно присоединившимся к тому или иному доминиону, должен быть решен путем волеизъявления народа».

45. Действительно, если «в отношении религиозного состава населения княжеств» вопрос вообще

[3] *Официальные отчеты Совета Безопасности, третий год, № 1—15,* стр. 10—11.

[4] *Там же,* № 36—51, стр. 27.

не возникал, почему правительство Индии протестовало против присоединения княжества Джунагадх, в котором индусы составляют большинство, к Пакистану? Почему оно протестовало? Оно заявило, и я цитирую телеграмму генерал-губернатора Индии на имя генерал-губернатора Пакистана от 22 сентября 1947 года:

«...правительство Пакистана в одностороннем порядке предприняло меры, которые, как было ясно заявлено, правительство Индии никогда не могло признать и не признает. Признание Пакистаном присоединения не может не рассматриваться правительством Индии как покушение на суверенитет и территорию Индии, несовместимое с дружественными отношениями, которые должны существовать между двумя доминионами. Эта акция Пакистана, по мнению правительства Индии, представляет собой явную попытку нарушить целостность Индии, распространив влияние и границы пакистанского доминиона, грубо нарушая принципы, на которых был согласован и произведен раздел...

...Возможность присоединения Джунагадха к пакистанскому доминиону, несмотря на решительный протест его индусского населения, составляющего более 80 процентов населения княжества, вызвала серьезную озабоченность и опасения среди местного населения и всех пограничных княжеств, которые присоединились к индийскому доминиону».

46. Наконец, если в отношении религиозного состава населения княжеств вопрос вообще не возникал, то как следует понимать нижеследующее объяснение, приведенное не кем иным, как г-ном В. П. Меноном, высокопоставленным деятелем индийского правительства, который занимался присоединением княжеств к Индии? На странице 117 его книги «The Story of the Integration of the Indian States» [5] г-н Менон пишет:

«Лорд Маунтбэттен ясно заявил, что с чисто юридической точки зрения не имеется возражений против присоединения правителя Джодхпура к Пакистану. Однако он подчеркнул, что магарадже следует серьезно подумать о последствиях его решения, учитывая тот факт, что он сам индус и что население его княжества состоит преимущественно из индусов и что это же касается княжеств, примыкающих к Джодхпуру. В свете этих соображений, если бы магараджа присоединился к Пакистану, его действия, несомненно, нарушили бы принцип раздела Индии на основе районов с мусульманским и немусульманским большинством. Несомненным следствием такого присоединения было бы возникновение серьезных религиозных беспорядков в этом княжестве».

47. Если индусское княжество хотело присоединиться к Индии, то Индия обращалась к принципу раздела, а именно религиозный состав и географическая близость. Когда же речь идет о мусульманском княжестве, желающем присоединиться к Пакистану, Индия заявляет, что принципы раздела не применяются к княжествам. Должна же, наконец, быть какая-то последовательность во всех человеческих отношениях, будь то личных или международных. В таком случае как же уважаемый министр просвещения Индии хочет, чтобы мы расценивали его заявление о том, что «в отношении религиозного состава населения княжеств вопрос вообще не возникал»? Он заявил: «Вопрос о религии не возникал вообще» (1088-е заседание, пункт 14). Разве он не возникал в отношении Джунагадха? А Джодхпура? А Хайдарабада? Все же возникал. Почему же он не должен учитываться в отношении Кашмира?

48. Третье заявление уважаемого министра просвещения Индии гласит:

«...совершенно безосновательным является утверждение о том, что присоединение Джамму и Кашмира не является полным и окончательным, ввиду того что народ этого княжества не был опрошен или что ему не была предоставлена возможность сделать выбор».

Он заявил далее:

«Джамму и Кашмир стал неотъемлемой частью Индии после того, как Акт о присоединении был подписан и утвержден, и с того времени по сегодняшний день он по-прежнему занимает такое же положение в том, что касается Индийского союза, и не может возникать вопроса относительно аннексии Кашмира или мер по дальнейшему слиянию его с Индийским союзом. Нельзя сделать более полным то, что уже является полным» (*там же,* пункты 15 и 16).

49. Я повторяю: «Нельзя сделать более полным то, что уже является полным». Звучит неплохо. Здесь основные слова: «полный» и «окончательный». Сопоставьте эти слова с прилагательными, применявшимися представителями Индии в прошлом для описания этого так называемого присоединения. Представитель Индии в то время заявил в Совете Безопасности относительно так называемого присоединения Кашмира к Индии: «...условное его присоединение относится к октябрю 1947 года» (463-е заседание, стр. 9). Здесь употребляется слово «условное», значение которого совсем не похоже на «полный» и «окончательный».

50. В таком случае, если решение о присоединении было «полным» и «окончательным», то что заявил премьер-министр Индии в телеграмме, направленной им премьер-министру Пакистана 28 октября 1947 года, сразу же после так называемого присоединения? Он сказал: «Что же касается присоединения, что было ясно заявлено, то этот вопрос подлежит передаче на рассмотрение народа княжества и на его решение». То ли это окончательное и полное, то ли это подлежит передаче на рассмотрение народа? Уважаемый министр просвещения Индии говорит одно,

[5] Calcutta, Orient Longmans Ltd., 1956.

премьер-министр Индии говорит другое. Кому же должна верить Организация Объединенных Наций? Кому мы должны верить? Как же понять заявление, сделанное премьер-министром Индии 2 ноября 1947 года?

«...я хотел бы заявить со всей ясностью, что мы всегда придерживались той позиции, что в том случае, когда возникает спор относительно присоединения княжества к тому или иному доминиону, решение о присоединении должно быть сделано народом этого княжества. Именно в соответствии с этой позицией мы и сделали оговорку в отношении Акта о присоединении Кашмира».

51. Наконец, если Кашмир является неотъемлемой частью Индии, то о чем же вести переговоры и выносить решение Индии и Пакистану? О чем же мы вели переговоры и о чем мы можем вести переговоры сейчас? Позвольте мне сослаться на совместное коммюнике, опубликованное правительствами Индии и Пакистана по завершении двусторонних переговоров, в которых я принимал участие от имени Пакистана и которые проходили на уровне министров между Индией и Пакистаном с декабря 1962 года по май 1963 года в течение шести месяцев. В коммюнике по завершении шестимесячных переговоров по кашмирскому вопросу говорится следующее: «...оба министра с сожалением констатировали, что не удалось достигнуть договоренности относительно урегулирования кашмирского спора». Если Кашмир является неотъемлемой частью Индии и если его присоединение считается окончательным и полным, то что такое «кашмирский спор» и что мы пытаемся урегулировать? Какого соглашения мы должны достигнуть? Уважаемый представитель Индии говорит, имея в виду Азад-Кашмир, что он «в соответствии с международным правом является такой же частью индийской территории, как Бомбей или Дели» (1088-е заседание, пункт 8).

52. В другом заявлении премьер-министра Индии, сделанном в индийском парламенте 26 июня 1952 года, содержится соответствующее замечание относительно позиции, лежащей в основе вышеуказанного заявления. Премьер-министр Индии заявил тогда:

«Вопрос касается... весьма деликатной и трудной ситуации, и его решение в конечном итоге зависит от нескольких миллионов кашмирцев, даже не от нашего парламента... Индия — это великая страна... Кашмир — это почти сердце Азии. Различие колоссальное, не только в географическом смысле, но и в различного рода факторах. Не думайте, что вы имеете дело с честью О. П. (Объединенные Провинции), Бихаром или Гуджератом...» [6].

Объединенные Провинции, или Бихар и Гуджерат, являются индийскими штатами, и индийский премьер-министр подчеркнул «огромное различие» между этими штатами и Кашмиром. Однако уважаемый представитель Индии придерживается той позиции, что никаких различий нет, и он заявил, что Кашмир является такой же частью Индии, как Бомбей и Дели.

53. Что касается вопроса о присоединении, то уважаемый представитель Индии заявил, что когда осуществлялся раздел Индии, «отколовшаяся часть страны» образовала Пакистан, и он утверждал: «...нынешнее правительство Индии является преемником правительства Соединенного Королевства. Пакистан был заново созданным государством» (1088-е заседание, пункт 11). Я хотел бы напомнить ему, что Пакистан был создан на основе раздела субконтинента не в качестве заново созданного государства, а как государство, являющееся вместе с Индией сопреемником британского правления в Индии. В процитированной им выдержке из меморандума правительственной миссии от 12 мая 1946 года говорится о «правительстве-правопреемнике или правительствах-правопреемниках в Британской Индии». Этот меморандум был опубликован более чем за год до раздела. В то время не было уверенности, что субконтинент будет разделен на два государства, но это было вполне возможно. В меморандуме правительственной миссии предусматривается такая возможность и вследствие этого в нем содержится ссылка на более чем одно правительство — правопреемник Британской Индии.

54. Пакистан действительно был принят в Организацию Объединенных Наций и другие международные Организации как новое государство. Это было сделано в силу его очевидного согласия в соответствии с Актом о независимости Индии (Международные соглашения) 1947 года. В Акте предусматривалось, что во всех остальных отношениях, как, например, в отношении прав и обязанностей, вытекающих из договоров и международных соглашений, стороной которых была неразделенная Индия, как Индия, так и Пакистан наследуют эти права и обязанности как государства-преемники британского правления в Индии. Мне не хотелось бы отнимать время у Совета Безопасности выдвижением дальнейших аргументов в подкрепление этого заявления. Ссылка на преамбулу и различные разделы Акта о независимости Индии 1947 года ясно показывает, что в Акте имеются в виду «два независимых доминиона», которые должны быть созданы в Индии и которые с 15 августа 1947 года должны соответственно называться Индией и Пакистаном. Между прочим, я хотел бы отметить, что суверенитет, действие которого прекратилось с вступлением в силу Акта о независимости Индии 1947 года, был доктриной не международного права, а *sui generis* и, согласно английским авторитетам в области права, был присущ конституционному развитию Британской Индийской империи.

[6] См. *Parliamentary Debates, House of People, Official Report,* vol. II, No. 10, part II, *Proceedings other than Questions and Answers,* (New Delhi, Parliament Secretariat), col. 2595.

55. Я не останавливаюсь на изложении индийским министром событий в Кашмире, в результате которых возник этот спорный вопрос. Я этого не делаю, поскольку справедливый и окончательный отчет об этих событиях имеется в Совете Безопасности. Он детально изложен в материалах Совета. Я не делаю этого также потому, что вопрос о том, является ли тот или иной отчет истинным, не имеет никакого отношения к делу. Согласно Уставу Организации Объединенных Наций и согласно моральным и правовым обязанностям государств, споры, существовавшие до принятия соглашения, не могут быть возобновлены в связи с осуществлением этого соглашения. После того как соглашение достигнуто, нельзя вновь возбудить спор, который был решен с помощью этого соглашения. Спор оканчивается, как только достигается соглашение. Что касается кашмирского спора, то обвинение друг друга в агрессии обеими сторонами обсуждалось в Совете и в Комиссии Организации Объединенных Наций для Индии и Пакистана перед тем, как были приняты резолюции этого органа. С принятием этих резолюций и их признанием обеими сторонами, по всей вероятности, исчезают спорные вопросы, существовавшие до этого.

56. Нельзя заключить международное соглашение, а затем отказаться выполнять его из-за спорных вопросов, положить конец которым должно это соглашение. Многочисленные декларации, сделанные от имени правительства Индии, подтверждают то положение, что отказ любой из сторон выполнять резолюции Комиссии является нарушением международного соглашения и актом нарушения мира. Представитель Индии заявил на 608-м заседании Совета Безопасности:

> «Мы не можем принимать участие в отмене решений, ранее принятых Комиссией Организации Объединенных Наций с согласия сторон» (608-е заседание, пункт 36).

На 769-м заседании Совета представитель Индии заявил следующее:

> «На днях я заявил, что это соглашение является обязательным для наших двух стран... Я хотел бы заявить, что весь этот процесс касается трех сторон.
>
> Совет Безопасности является стороной резолюции от 13 августа 1948 года...» (769-е заседание, пункты 77 и 78).

Этот же представитель заявил следующее на 773-м заседании Совета:

> «Резолюция от 17 января 1948 года и резолюции Комиссии Организации Объединенных Наций для Индии и Пакистана являются резолюциями с гораздо большим весом, потому что мы признали их; мы являемся их сторонами, независимо от того, нравятся они нам или нет» (773-е заседание, пункт 83).

57. Таким образом, вот какой статус имело соглашение, достигнутое между Индией и Пакистаном благодаря усилиям и авторитету Организации Объединенных Наций. Обязательный характер этих резолюций обусловливается не только согласием сторон, но также и тем фактом, что это соглашение «отразило» принцип самоопределения, являющийся неотъемлемой концепцией Устава. Он был далее подтвержден тем фактом, что соглашение о прекращении огня было достигнуто между Индией и Пакистаном и народ Кашмира, сражавшийся против индийской армии, был убежден сложить оружие лишь на основе признания двух резолюций. Теперь же представитель Индии заявляет, что

> «...две резолюции Совета Безопасности, касающиеся проблемы плебисцита, были поставлены в зависимость от прекращения Пакистаном его агрессии, и это условие выполнено не было. Фактически это больше, чем условие. Это — краеугольный камень, на котором были основаны эти две резолюции, и поскольку указанное условие не было выполнено, а основа исчезла, эти резолюции не являются больше для нас обязательными. В любом случае с течением времени и действием различных факторов... они устарели» (1088-е заседание, пункт 33).

58. Я думаю, что я достаточно высказался в отношении этой теории течения времени в своем заявлении в Совете Безопасности 3 февраля (1087-е заседание), чтобы доказать ее полную несостоятельность. Поэтому я не намерен больше останавливаться на этом вопросе и хочу лишь добавить, что заявление о том, что решения Совета Безопасности являются устаревшими, доказывает, как мало значения придается Индией этому исключительно важному органу Организации Объединенных Наций.

59. Правительство Индии приняло резолюции Комиссии Организации Объединенных Наций от 13 августа 1948 года и 5 января 1949 года [7], предусматривающие прекращение огня, соглашение о перемирии и проведение в Джамму и Кашмире плебисцита для решения вопроса о его присоединении к Индии или Пакистану, после — и я подчеркиваю слово «после» — того как вопрос об агрессии был рассмотрен. Таким образом, речь не идет об условном признании этих двух резолюций. Совету Безопасности хорошо известно, что положения этих резолюций не требуют, чтобы Пакистан безусловно и в одностороннем порядке вывел свои вооруженные силы с территории княжества. Вывод войск должен быть взаимным и одновременным, с тем чтобы к концу этого процесса, когда все вооруженные силы Пакистана покинут территорию княжества, основная часть индийских вооруженных сил должна была также уйти из княжества. Обязательство Пакистана вывести свои войска вступает в силу и выполняется лишь после заключения соглашения

[7] См. *Официальные отчеты Совета Безопасности, третий год, Дополнение за ноябрь 1948 года,* документ S/1100, пункт 75; и *там же, четвертый год, Дополнение за январь 1949 года,* документ S/1196, пункт 15.

о перемирии в соответствии с резолюцией от 13 августа 1948 года, в которой предусмотрен одновременный вывод войск так, как это оговаривается в резолюции.

60. Кто несет ответственность за возникновение тупика относительно соглашения о перемирии, то есть в отношении демилитаризации княжества? Индия отказалась от одновременного вывода войск двух сторон. Индия воздерживается от сотрудничества в выработке соглашения о перемирии. Индия отказалась содействовать созданию условий, которые привели бы к полному выводу пакистанских вооруженных сил из Кашмира. Индия отвергла предложение о направлении с этой целью в этот район вооруженных сил Организации Объединенных Наций. Сделав все это, Индия начала жаловаться на то, что пакистанские войска не были выведены. Не требуется, безусловно, «глубокого знания права», как выразился министр просвещения Индии, чтобы понять, что сторона соглашения не может ставить под сомнение обязательный характер соглашения на том основании, что она его не выполнила.

61. Индия всегда обвиняла Пакистан в том, что этот тупик возник по его вине, отказываясь в то же время представить это утверждение на рассмотрение беспристрастной комиссии или ограниченного арбитража. В своем заявлении от 3 февраля я напомнил о предложении, сделанном Пакистаном в Совете Безопасности в 1962 году, о том, что если беспристрастный орган докажет, что Пакистан действительно виновен в сложившейся ситуации, мое правительство исправит ошибку «скорейшим путем в кратчайшее время, с тем чтобы можно было открыть путь полному осуществлению этих резолюций» (1008-е заседание, пункт 166). Тот факт, что Индия отвергла это предложение, показывает, что ее обвинения в адрес Пакистана являются лишь предлогом для продолжения ее незаконной оккупации территории княжества и отказа предоставить народу Джамму и Кашмира возможность воспользоваться своим правом на самоопределение.

62. Однако если даже на минуту предположить, что есть некоторая доля правды в том обвинении, что мы не выполняем свои обязательства, то к чему это приведет? По справедливости, нельзя допустить, чтобы в силу какого-либо нарушения Пакистаном своих обязательств народ Кашмира был бы лишен права определить свою судьбу, права, которое ему было гарантировано резолюциями Комиссии Организации Объединенных Наций для Индии и Пакистана. Совершенно очевидно, что нельзя наказывать народ Кашмира за ошибки Пакистана.

63. Если продумать это соображение, можно прийти к выводу, что все доводы министра просвещения Индии строятся на игнорировании прав и интересов народа Кашмира. Он хочет превратить весь вопрос в псевдоюридический спор между Индией и Пакистаном и лишить его гуманной и моральной значимости. Я умышленно говорю «псевдоюридический», потому что если бы представители Индии серьезно подошли к формулированию юридических аспектов этого спорного вопроса, они должны были бы быть готовыми к тому, что их рассмотрят компетентные органы. Однако они лишь пытаются придать ему юридический характер, с тем чтобы запутать вопросы и отвлечь внимание от прав и интересов народа Кашмира. Это соображение в дальнейшей степени подтверждается их неоднократными обвинениями Пакистана в агрессии.

64. Какое отношение имеет это обвинение к урегулированию этой проблемы с гуманной точки зрения? На вопрос о том, совершил ли Пакистан агрессию или нет, ответить может только народ Кашмира, поскольку если Пакистан действительно совершил агрессию в Кашмире, то, очевидно, жертвой агрессии был народ Кашмира. В таком случае Индия безусловно должна была бы настаивать на проведении свободного плебисцита в Кашмире, который позволил бы жертвам агрессии вынести единодушный приговор агрессору. То обстоятельство, что именно Пакистан настаивает на проведении плебисцита, а Индия отклоняет это предложение, показывает, сколько правды содержится в утверждениях правительства Индии. Это показывает, на какой из двух сторон лежит тяжесть вины. Пакистану нечего скрывать, он готов предстать перед любым испытанием, что означает ясное и открытое выяснение воли народа Кашмира. Именно Индия не хочет такого испытания. Но это испытание состоится.

65. Что касается мероприятий по присоединению княжества Джамму и Кашмир, на которые я обратил внимание в своем письме на имя Председателя Совета Безопасности от 16 января 1964 года (S/5517), а также в своем заявлении от 3 февраля, то уважаемый представитель Индии превозносил преимущества, которые эти мероприятия якобы дадут народу Джамму и Кашмира. В отношении этих мероприятий я хочу подчеркнуть не то, что они принесут или не принесут пользу народу Кашмира, а то, что они навязываются ему незаконными органами в нарушение постановлений Совета Безопасности, изложенных в его резолюциях от 30 марта 1951 года и 24 января 1957 года [8]. Я прошу Совет Безопасности обратить внимание на то, что правительство Индии не отказывается от своего намерения осуществлять эти мероприятия в дальнейшем, наоборот, как заявил представитель Индии, оно твердо намерено их проводить.

66. Это подводит нас к существу той проблемы, которая, по нашему мнению, стоит перед Советом Безопасности в связи с индо-пакистанским вопросом. С одной стороны, представитель Индии заявляет, что Пакистан «не имеет никаких за-

[8] *Там же, шестой год, Дополнение за январь, февраль и март 1951 года,* документ S/2017/Rev.1; и *там же, двенадцатый год, Дополнение за январь, февраль и март 1957 года,* документ S/3779.

конных оснований жаловаться в отношении того, что предпринимается Индией» в Кашмире, что «никакие заявления Пакистана не помешают правительству Индии» приступить к дальнейшему осуществлению ее замыслов, направленных на аннексию княжества, что резолюции Комиссии Организации Объединенных Наций для Индии и Пакистана «устарели» и что правительство Индии «ни при каких обстоятельствах... не согласится на проведение плебисцита в Кашмире».

67. С другой стороны, представитель Индии предлагает «обсудить с Пакистаном все наши неурегулированные разногласия». Возникает вопрос, как можно серьезно относиться к этому предложению, если правительство Индии придерживается той позиции, которая была изложена представителем Индии? Как можно урегулировать эти разногласия, если правительство Индии сохраняет свою твердую позицию, как это было в ходе двусторонних переговоров в 1962—1963 годах? Эти переговоры окончились безрезультатно, как и все переговоры до этого. Правительство Индии заявляет, что посредничество не поможет. Теперь же представитель Индии заявляет, что «принятие резолюции» Советом «ни к чему не приведет. Это лишь может ухудшить отношения». Правительство Индии занимает твердую позицию, заявляя, что оно не согласится представить на ограниченный арбитраж разногласия, существующие между сторонами, относительно фактической стороны осуществления международного соглашения по Кашмиру.

68. Я бы хотел поставить перед Советом вопрос: если переговоры неоднократно оканчивались безрезультатно и не могут дать каких-либо результатов, если правительство Индии отрицательно относится к посредничеству, если оно отвергает ограниченный арбитраж, если оно предупреждает, чтобы Совет Безопасности не принимал никаких резолюций, то не следует ли из всего этого, что все пути мирного урегулирования закрыты для нас?

69. Это приводит меня к предложению Индии о так называемой «декларации отказа от войны». Мы неоднократно заявляли, что мы уже подписали «декларацию отказа от войны», когда мы взяли на себя обязательство соблюдать положения Устава Организации Объединенных Наций. Представитель Индии спрашивает, нет ли у нас каких-либо скрытых оговорок. А не было ли у Индии каких-либо скрытых оговорок, когда она подписывала Устав Организации Объединенных Наций? Если нет, то зачем же нужна «декларация отказа от войны»? Нужна не какая-то новая декларация, а разработка конкретных методов для урегулирования кашмирского спора. Это устранило бы единственную причину конфликта между странами.

70. Мы пытались убедить в этом правительство Индии начиная с 1950 года, когда мы предложили «декларацию отказа от войны», которая включала бы положения относительно переговоров между Индией и Пакистаном и в случае провала переговоров предусматривала бы посредничество, а в случае если посредничество окончится неудачей — передачу спорных вопросов либо на соответствующий арбитраж, либо на определение суда. К нашему сожалению и к несчастью для наших двух народов, и прежде всего для народа Кашмира, правительство Индии настойчиво отказывается принять наше предложение и признать, что «декларация отказа от войны» лишена смысла, если одновременно с ней не будут даны обязательства относительно урегулирования споров мирными средствами.

71. Хотя в прошлом наша позиция представлялась в искаженном виде, мы с удовлетворением отмечаем, что принципы, к всеобщему принятию которых мы стремились, находят сейчас отражение в переговорах между главами правительств Соединенных Штатов и Советского Союза. В своем недавно сделанном заявлении относительно мирного урегулирования территориальных споров председатель Хрущев заявил:

> «Жизнь показывает, что большинство территориальных споров чревато опасностью осложнения отношений между участниками, возможностью военного и серьезного военного конфликта и, следовательно, представляет собой потенциальную угрозу для всеобщего мира».

Он заявил далее:

> «...Что же, Советский Союз предлагает взять, да и перечеркнуть одним махом все территориальные проблемы, существующие между государствами, отказаться от какого бы то ни было их урегулирования, как будто этих вопросов вовсе и нет в природе? Нет, дело обстоит совсем не так. Мы понимаем, что у ряда государств имеются основательные причины для своих претензий».

Он сказал также:

> «Мирному решению территориальных вопросов благоприятствует также и то, что в практике международных отношений уже накопились и усовершенствовались сами методы решения спорных вопросов мирным путем — непосредственные переговоры между заинтересованными государствами, применение добрых услуг, обращение за содействием к международным организациям...».

На этой основе председатель Хрущев предложил подписать соглашение, которое включило бы «обязательство разрешать исключительно мирными средствами все территориальные споры — такими, как переговоры, посредничество, согласительная процедура, а также другими мирными средствами по выбору заинтересованных сторон в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций».

72. Давайте попробуем применить это заявление Председателя Совета министров СССР к кашмирскому спору, несмотря на то что в основе этого

спора лежит право народов на самоопределение. Согласно этому заявлению, совершенно неоправданным был бы отказ от всех попыток урегулировать спор, делая вид как будто бы он не существует вообще. Однако Индия хотела бы заставить сделать Совет именно это. Согласно этому заявлению, необходимо взять на себя обязательства урегулировать спор мирными средствами. Однако, после того как одно из этих средств, то есть переговоры, не дало результатов, Индия не дает возможности использовать другие средства, и все же Индия предлагает «декларацию отказа от войны»!

73. Обратимся к письму президента Соединенных Штатов Джонсона от 18 января 1964 года на имя председателя Хрущева, в котором президент выдвигает следующие «руководящие принципы» для осуществления принципа отказа от применения силы при урегулировании международных споров:

> «...стороны в любом серьезном споре... должны добиваться решения мирными средствами — прибегая к переговорам, посредничеству, примирению, арбитражу, судебному урегулированию, действиям какого-либо регионального или соответствующего органа ООН или же с помощью других мирных средств по своему выбору» [9].

74. Как можно это применить к стоящему перед нами вопросу? Переговоры между Индией и Пакистаном оказались безрезультатными. Готова ли Индия к ограниченному или судебному урегулированию тех разногласий, существующих между сторонами, которые могут быть решены с помощью арбитража или судебного определения? Индия неоднократно отвергала эти средства. Даже сегодня Индия отказывается от помощи Организации Объединенных Наций в урегулировании этого спора. И тем не менее Индия предлагает «декларацию отказа от войны»!

Президент Соединенных Штатов говорит далее в своем заявлении:

> «Предотвращение войн из-за территориальных и иных споров требует не только соблюдения общих принципов, но также «накопления и усовершенствования».., касаясь механизма и методов мирного урегулирования. Соединенные Штаты считают, что механизмы Организации Объединенных Наций по поддержанию мира, и в частности ее Совет Безопасности, должны более полно использоваться и быть усилены...»[10].

75. Именно эта процедура Организации Объединенных Наций по поддержанию мира отвергается Индией, когда речь идет о Кашмире. Когда возник вопрос о том, как можно вывести вооруженные силы Индии и Пакистана из княжества Джамму и Кашмир и обеспечить его безопасность, мы предложили разместить там войска Организации Объединенных Наций, которые были бы беспристрастны как в отношении Индии, так и в отношении Пакистана. Индия отвергла это предложение и выступила с угрозой, что любая страна, которая попытается направить вооруженные силы Организации в оккупированный Индией Кашмир, будет считаться недружественной по отношению к Индии. Мы пошли еще дальше и дали свое согласие в 1958 году на предложение представителя Организации Объединенных Наций относительно изучения возможности размещения вооруженных сил Организации Объединенных Наций на пакистанской территории, на границе с Джамму и Кашмиром, для обеспечения безопасности этого района после вывода пакистанских войск. Индия заявила, что она «выразила бы сожаление», если бы такие силы были размещены на территории Пакистана. Индия, таким образом, сделала невозможным использование механизма Организации Объединенных Наций по поддержанию мира для урегулирования кашмирского спора. Более того, Индия выступает даже против резолюции Совета, и вместе с тем она предлагает «декларацию отказа от войны»!

76. Есть еще одно важное соображение в связи с предложением Индии «встретиться с нами, чтобы урегулировать наши разногласия». Любой беспристрастный наблюдатель отметит, что слово «разногласия» приведено здесь с определенным смыслом. Это сделано именно для того, чтобы запутать вопрос. В конце концов, какие могут быть еще «разногласия» кроме кашмирского спора?

77. У Индии и Пакистана может быть много незначительных разногласий, как это бывает с любыми двумя соседними странами, однако ни одно из них не является главным препятствием. Существует, например, вопрос о меньшинствах. Но это, совершенно очевидно, относится к области внутренних дел любого правительства. Меньшинства в Индии могут быть ограждены только правительством Индии, а меньшинства в Пакистане — только правительством Пакистана. Может ли в данном случае какое-либо международное посредничество добиться ощутимого улучшения в этом отношении? Не говоря уже о том, что любому правительству следует предпринять твердые и решительные действия для полного обеспечения безопасности своих меньшинств, в данном случае необходимо сотрудничество между этими двумя странами, чтобы дать беженцам возможность вернуться к себе домой. Более того, необходимо общее улучшение отношений между Индией и Пакистаном и создание атмосферы братства между индусами и мусульманами в обеих странах. Однако подлинное улучшение может произойти лишь в том случае, если будет урегулирован кашмирский спор. Индия уклоняется от урегулирования и все же ведет разговоры об урегулировании «разногласий». Я вынужден, однако, заявить, что ее позиция является настолько явно неискренней, что она никого не может ввести в заблуждение.

---

[9] См. *The Department of State Bulletin* (Washington, U.S. Government Printing Office), vol. L, No. 1284, p. 158.
[10] *Ibid.*

78. Представитель Индии предпочел усомниться в искренности чувств, выраженных мной на днях, относительно мирного урегулирования международных споров. Он обвинил Пакистан в том, что он позволяет себе угрожать насилием. Кашмирский спор стоит на рассмотрении Совета в течение долгих шестнадцати лет. За эти годы были предприняты многочисленные попытки в целях достижения мирного урегулирования этой проблемы. За это время не менее двадцати выдающихся личностей, включая президента Соединенных Штатов и премьер-министра Соединенного Королевства, выдвигали различные предложения с целью достижения соглашения между Индией и Пакистаном. Все эти предложения были приняты Пакистаном. Все они были отвергнуты Индией. Если это не доказывает готовность Пакистана искать мирное урегулирование спорных вопросов, то я не знаю, как можно удовлетворить Индию.

79. Именно министр обороны Индии заявил, что Индия не отказывается от применения вооруженной силы и что она сохраняет за собой право прибегнуть к силе, когда этого потребуют ее интересы. Именно этот министр обороны публично назвал Пакистан «врагом номер один» его страны. Мы прибыли сюда не с угрозой, а с призывом, призывом к вам помнить о том, что эта Организация была создана для того, чтобы «поддерживать международный мир и безопасность.., проводить мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира». Мы призываем вас помнить, что история человечества отмечена войнами и насилием, что если наша Организация, на которую люди возложили свои надежды на будущий мир, останется безучастной к призывам угнетенных, как можно будет надеяться на сохранение мира в наше время?

80. Для Индии ситуация проста. В ее владении находится большая часть Джамму и Кашмира, и она только хочет, чтобы ее оставили в покое. Но можем ли мы оставаться молчаливыми наблюдателями, видя, как наши родные и близкие, плоть от нашей плоти, кровь от нашей крови, страдают от тирании и угнетения? Мы видим и чувствуем стремление народа, преисполненного решимости освободиться, и разве мы не должны предупредить, что, если положение будет и дальше развиваться в этом направлении, это может привести к серьезным и опасным последствиям?

81. Представитель Индии попытался возложить вину на Пакистан за срыв двусторонних переговоров, которые велись между нашими двумя странами в 1962 и 1963 годах, утверждая, что это было вызвано заключением китайско-пакистанского пограничного соглашения. Он далее заявляет, что эти переговоры были сорваны мной, несмотря на все усилия, предпринимавшиеся его правительством для их продолжения. Позвольте мне представить соответствующие факты на рассмотрение Совета Безопасности.

82. Правительство Пакистана, следуя своей политике, направленной на развитие дружественных отношений со всеми странами мира, и в особенности с нашими соседями, заключило пограничные соглашения с Ираном, Бирмой и в некоторой степени даже с Индией. Именно в соответствии с этой политикой правительство Пакистана официально предложило правительству Китайской Народной Республики в марте 1961 года начать переговоры в целях достижения взаимопонимания относительно прохождения и уточнения недемаркированной границы между китайской провинцией Синьцзян и прилегающими районами, ответственность за оборону которых лежит на правительстве Пакистана.

83. Правительство Китайской Народной Республики в конце февраля 1962 года дало нам положительный ответ, и несколько месяцев спустя, в мае, было опубликовано совместное коммюнике двух правительств, в котором говорилось, что они решили начать переговоры в целях достижения договоренности по пограничному вопросу на основе взаимных уступок и в духе дружественных отношений, существующих между этими соседними странами. Переговоры начались в октябре 1962 года, за несколько недель до начала китайско-индийского пограничного конфликта. Это был конфликт между двумя мощными странами Востока. Это был кризис, к которому мы не имели никакого отношения. Мы не могли ни предотвратить его, ни оказать влияния на его развитие.

84. Когда 29 ноября 1962 года было опубликовано совместное коммюнике президента Пакистана и премьер-министра Индии, в котором излагалось согласие обеих сторон возобновить усилия по урегулированию кашмирского спора на справедливой и почетной основе, Индия хорошо знала, что задолго до этого в Пекине начались пакистано-китайские переговоры по пограничному соглашению. Накануне начала двусторонних переговоров в Равалпинди 27 декабря 1962 года было объявлено о достижении полного соглашения в принципе между Пакистаном и Китаем относительно проведения границы между Синьцзяном и прилегающими к нему районами, ответственность за оборону которых лежит на Пакистане. Мы пошли на это до начала двусторонних переговоров с Индией. Если бы мы этого не сделали, правительство Индии обвинило бы нас в том, что мы утаиваем эту информацию и тем самым действуем в нарушение духа совместного коммюнике от 29 ноября 1962 года. Тем временем в Пекине продолжались переговоры. 2 марта 1963 года я подписал соглашение в Пекине.

85. Представитель Индии называет заключение этого пограничного соглашения «провокацией» и считает заслугой своего правительства то, что оно прекратило переговоры по Кашмиру с Пакистаном. Он обвиняет меня в этом. В мае 1963 го-

да, в ходе последнего тура переговоров, я неоднократно говорил индийскому министру Сардару Сварану Сингху, руководителю индийской делегации на переговорах, что я хотел бы остаться в Дели, если он вообще готов рассматривать предложение Пакистана о том, как выйти из полного тупика, в который зашли переговоры после третьего тура. Я не получил ответа, и поэтому переговоры прекратились.

86. Представитель Индии счел возможным обвинить нас в том, что мы «заигрываем с Китаем» и что «Пакистан не хочет, чтобы Индия была сильной; он хочет ослабить Индию как в международном, так и во внутреннем отношении». Г-н Председатель, предназначалось ли это замечание относительно «заигрывания с Китаем» для вас? Или же это предназначалось для всех членов Совета? Конечно нет. Предполагалось, что это будет диалогом. Однако я хотел бы сказать, что в Совете нет наивных людей, не знающих разницы между союзником и оппортунистом. Мы являемся союзниками, мы дали определенные обязательства по двум оборонительным союзам с нашими друзьями и мы придерживаемся наших обязательств и поддерживаем наши союзы. Мы понимаем преимущества и отрицательные стороны союзов. Мы понимаем благоприятные и неблагоприятные последствия наших союзов. Мы даже готовы пойти на гибель в ядерной катастрофе за общее дело, за общую судьбу и общечеловеческие ценности. Возможно, что одной из причин отсутствия прогресса в деле урегулирования кашмирского спора является наша твердая приверженность нашим союзам. В таком случае никого нельзя ввести в заблуждение тем, что Пакистан заигрывает с коммунистическим Китаем. Мы заключили пограничные соглашения со всеми странами, с Бирмой, с Ираном. Китай тоже наш сосед, и как и со всеми другими мы заключили с этим соседом пограничное соглашение в интересах мира, безопасности и сохранения прочного положения, чтобы устранить все возможные источники трений, чтобы укрепить мир, чтобы не допустить повторения конфликта, который имеет место между Индией и столь многими странами. Это отвечало интересам не только наших союзов, это отвечало интересам мира во всем мире. Мы признали реально существующее положение; многие страны признают реально существующее положение. Разве их обвиняют в том, что они заигрывают с коммунистическим Китаем? Позвольте напомнить представителю правительства Индии о десятилетней идиллии, существовавшей в отношениях между правительством Индии и Китайской Народной Республикой!

87. Здесь, в Совете, нас обвиняют в том, что мы заигрываем с соседней страной лишь из-за того, что у нас с ней нормальные отношения. Но ни один из членов Совета не настолько наивен, чтобы его ввела в заблуждение пропаганда правительства Индии, а наши друзья и союзники, которых мы твердо и решительно поддерживаем, знают это лучше, чем кто-либо. Что же это за «заигрывание»? Когда Индия провозгласила панча-шилла после достижения соглашения с Китаем по Тибету в 1954 году как магическую формулу, могущую обеспечить мир во всем мире в наше время, это не было заигрыванием. Когда лозунги «чини хинди — бхай бхай» (китайцы и индийцы — братья) оглашали небо Индии в течение многих лет, это не было заигрыванием. Однако когда Пакистан заключает пограничное соглашение с Китаем в интересах мира и спокойствия в Азии — это заигрывание. Совершенно ясно, что у Индии есть две нормы международного поведения: одна для себя и совершенно другая — для Пакистана.

88 Нас обвиняют в том, что мы ослабляем Индию во внутреннем и международном отношении. Я достаточно остановился на внутреннем аспекте. Как же мы ослабили Индию в международном отношении? Разве мы обязаны быть в плохих отношениях с соседями Индии лишь потому, что с большинством из них у Индии недружественные отношения? У Индии есть разногласия не только с Пакистаном. У Индии есть разногласия почти со всеми ее соседями. И если бы ее разногласия ограничивались только Пакистаном, в таком случае Пакистану можно было бы приписать некоторую вину. Однако, по-видимому, Индия права во всех случаях, а все остальные, и прежде всего ее соседи, правы не во всех случаях.

89. Нас обвиняют в том, что в результате заключения пограничного соглашения мы отдали Китаю 2 тысячи квадратных миль территории Кашмира. Я хотел бы поблагодарить представителя Индии за то, что он сократил это обвинение до столь скромных размеров. Сразу же после заключения пограничного соглашения премьер-министр Индии заявил в индийском парламенте 5 марта 1963 года, что Пакистан «уступил» Китаю 13 тысяч квадратных миль территории. Теперь мы дошли до 2 тысяч квадратных миль. Однако истина заключается в том, что Пакистан не уступил ни дюйма своей территории Китайской Народной Республике.

90. Представитель Индии также утверждает, что у народа Кашмира счастливая жизнь под благосклонным господством Индии и поэтому ему не следует предоставлять право на самоопределение. Он заявил в Совете, что доходы княжества Джамму и Кашмир возросли, возросло также и производство продовольственных товаров. В Кашмире сейчас больше школ, больше больниц, лучше дороги, имеется электричество и т. д., чем это было 10 лет назад. Этот красноречивый отчет, позвольте сказать мне, весьма смахивает на отчет администрации какой-либо территории, представляемый Совету по Опеке колониальной державой. Доводы о том, что народ хорошо питается и счастливо живет под иностранным господством, что благосклонный правитель знает, что лучше для народа, и что те, кто выступает за свободу, являются недовольными агитаторами, слишком хорошо знакомы этой всемирной Орга-

низации. Сколько раз мы слышали, как министр иностранных дел Южной Африки, выступая с трибуны Генеральной Ассамблеи, восхвалял в смысле больничных коек, школьных комнат, дорог, киловатт и меговатт выгоды, предоставленные его правительством коренному населению Юго-Западной Африки? Как и министр просвещения Индии, министр иностранных дел Южной Африки также считает, что все будет хорошо, если его правительство оставят в покое. Он также хотел бы, чтобы весь мир поверил, что те, кто осуждает лишение населения Южной и Юго-Западной Африки прав человека, являются агитаторами, отрицающими христианство, демократию и светские принципы, которые вступили в международный заговор против Южной Африки и мира во всем мире. Представитель Индии выдвинул столь много различных причин для объяснения того, что она не выполнила данное его правительством обещание, что становится нелегко понять смысл его аргументов.

91. Мы всегда считали Кашмир жизненно важным вопросом, поскольку он является прежде всего вопросом судьбы народа, от справедливого и почетного решения которого зависит судьба и будущее почти 600 миллионов людей, населяющих индо-пакистанский субконтинент. Индия утверждает, что Кашмир является символом и гарантией ее принципов светского государства. Я же позволю себе заметить, что Кашмир является проверкой способности мирового сообщества решать споры мирными средствами. Для того чтобы Кашмир стал символом и гарантией, пусть он будет символом готовности страны решать спорные вопросы при помощи мирных средств и гарантией того, что в отношении всех государств и всех народов, больших и малых, будет проявляться справедливость.

92. Кашмирский спор длится в течение многих лет. Сложности, возникшие вокруг него,— это сложности политики и силы. Речь идет о простом и ясном вопросе: о праве народа на самоопределение и об обязанности государств выполнять международные обязательства. На днях мы слышали схоластические рассуждения министра просвещения Индии относительно значения слова «самоопределение». Тем из нас в этом зале, кто сражался, кто боролся за это право, тем из нас, кто своим присутствием здесь символизирует торжество этого принципа, значение слова «самоопределение» совершенно ясно.

93. Пакистан с такой же серьезностью рассматривает идею самоопределения, когда он говорит о Кашмире, как и тогда, когда он говорит о самоопределении Анголы, Мозамбика, Родезии и Юго-Западной Африки. «Что такое частичка „само“»? — спросил на днях представитель Индии г-н Чагла, как будто ему неизвестны обязательства, данные его правительством народу Кашмира, Пакистану и Совету Безопасности. Вот как ответил на этот вопрос премьер-министр Индии, его премьер-министр, в трех различных случаях. В 1947 году, обращаясь по радио к индийской нации, г-н Неру заявил:

> «Мы заявили, что судьба Кашмира в конечном итоге должна быть решена народом. Мы дали это обязательство... не только народу Кашмира, но и всему миру. Мы не можем отказаться от него, и мы не откажемся от него».

В 1951 году, выступая в несчастном городе Сринагаре, в котором сейчас, когда мы находимся здесь, льется кровь, он заявил:

> «Я хочу повторить, что правительство Индии не отказывается от этого обещания, что бы ни случилось. Это обещание само говорит о том, что народ Кашмира сам должен решить свою судьбу без вмешательства извне».

Затем, выступая в индийском парламенте в феврале 1951 года, премьер-министр Индии заявил:

> «Мы дали наше обещание народу Кашмира и затем Организации Объединенных Наций. Мы следовали ему, и мы следуем ему сегодня. Пусть решает сам народ Кашмира».

Это простые слова, и их значение ясно: «Пусть решает сам народ Кашмира». Здесь нет никаких двусмысленностей, каких-либо уверток в отношении того, что представляет собой самоопределение, нет боязни того, что на карту поставлены единство, солидарность и целостность Индии.

94. Тем не менее теперь нам говорят, что право на самоопределение является чем-то таким, чего следует опасаться странам Азии и Африки. Говоря о кратком уроке истории Соединенных Штатов, представитель Индии напомнил нам кровопролитную гражданскую войну, которая велась в Соединенных Штатах, с тем чтобы не допустить выхода Юга из их состава. Это — не точная аналогия, поскольку Кашмир не является частью Индии, пытающейся выйти из ее состава, и в данном случае речь не идет о рабовладельческом обществе, которое пытается сохранить рабовладение. Кашмир и его народ существуют реально, и, цитируя слова г-на Неру, это народ «с присущей ему душой и индивидуальностью», которому шестнадцать лет назад было обещано, что он будет волен решать свое будущее. Представитель Индии привел интересную аналогию, которая показывает, что он, по-видимому, рассматривает ситуацию в Кашмире как ситуацию, в которой народ, несмотря на его сопротивление, силой оружия удерживается в рамках Индийского союза в осуществление какой-то высокой и благородной цели, самозванным защитником которой является Индия.

95. Пакистан обратился в Совет не для того, чтобы заручиться его поддержкой права меньшинства выйти из состава Индийского союза. Он стремится получить подтверждение обещания, данного всему народу Кашмира, что ему будет предоставлена возможность решать будущее своей страны. Народ Кашмира — это не индийское меньшинство. Он никогда не станет индийским меньшинством. «Кашмир не является собствен-

ностью Индии или Пакистана, он принадлежит народу Кашмира», и только народ Кашмира решит свою будущую принадлежность и курс действий. Приведенные мною слова являются словами премьер-министра Индии.

96. Министр просвещения Индии пытался вызвать призрак раскола государств Африки и Азии, во многих из которых существуют меньшинства, если принцип самоопределения будет применен. В прошлых случаях представители Индии предпринимали туманную попытку заручиться сочувствием Африки, сравнивая Кашмир с Катангой. Было бы наивным, если бы я вступил в эту игру, однако позвольте мне заявить, что если Кашмир — это Катанга, тогда его магараджа — деспот, предки которого купили долину и ее население у англичан за пригоршню серебра, является кашмирским чомбе. Представитель Индии возмутился, когда я говорил о колониальном характере индийского господства в Кашмире. Тем не менее, когда мы слышим, как он распространяется о сложностях и опасностях самоопределения, когда мы слышим, как он превозносит достоинства многорасовости, не слышим ли мы при этом отзвуки чувств, выраженных президентом Португалии Салазаром в его декларации по Африке?

97. В своем выступлении по радио 12 августа 1963 года г-н Салазар задался следующим вопросом:

> «Если самоопределение в своей основе преследует цель проверить согласие, данное той форме государства или правления, при которой живет народ, непонятно, как можно установить единственный метод достижения этой цели или выяснения такого согласия, если этот метод является плебисцитом, соответствующим незаконным требованиям Организации Объединенных Наций».

Согласно г-ну Салазару, Ангола и Мозамбик являются неотъемлемой частью Португалии, поскольку это утверждает португальский закон, и любая попытка выяснить пожелания народа Анголы и Мозамбика должна рассматриваться как опасное отрицание благородной и высокой политики многорасовости, проводить которую Португалия пытается за последние пятьсот лет в Африке.

98. Представитель Индии считает, что будущее мира зависит от эволюции многонациональных стран и государств в различных частях мира. Возможно, это так. Мы в принципе не спорим с этим утверждением. Пакистан сам является страной, в которой живут люди с различным исповеданием, люди, говорящие на разных языках, люди, принадлежащие к различным расам. Наши расхождения по этому вопросу с Индией, а также с Португалией заключаются в том, что мы считаем, что эволюция в направлении утверждения многонациональных государств и обществ должна осуществляться не насильно, не на основе юридической фикции, а при наличии согласия народа. Если это является реакционной политикой, тогда пусть нас называют реакционерами.

99. Представитель Индии попытался просветить нас в отношении того, что Индия ведет крестовый поход против империализма и колониализма. Его утверждения — я позволю себе заметить — были бы гораздо более убедительными, если бы в этом же заявлении он не строил весь свой тезис относительно Кашмира на правах правителя, феодального князька, тирана, которого спасло от его собственного народа лишь империалистическое вмешательство. Более того, к несчастью для представителя Индии относительно антиимпериалистической направленности Индии, он, пытаясь доказать принадлежность Кашмира к Индии, приводит в качестве свидетельства то, что Кашмир был частью империи императора Ашоки.

100. Конечно, не только Кашмир, но также и весь Пакистан и большая часть Афганистана входили в империю Ашоки. Тезис г-на Чаглы обречен на провал из-за того, что политическая мысль современной Индии была сформулирована в других понятиях ее самыми выдающимися писателями и мыслителями. «Малое национальное государство обречено на гибель» — эти слова не имеют антиколониальной направленности; эти слова принадлежат г-ну Джавахарлалу Неру в его книге «Открытие Индии» [11]. Честолюбивые устремления Индии хорошо были выражены выдающимся индийским писателем и дипломатом покойным г-ном К. М. Паниккаром, который пишет на странице 16 своей книги «Индия и Индийский океан» [12]:

> «Ахимса» — непротивление злу — «несомненно представляет собой великое религиозное учение, но Индия отвергла это учение, когда она отказалась следовать Гаутаме Будде. Индусская теория всегда, в особенности в период исторического величия Индии, предусматривала активное утверждение права, и если необходимо, с помощью оружия... В таком случае нам придется посмотреть на Индийский океан, как это делали наши предки, которые покорили Сокотру задолго до наступления христианской эры и создали империю в Тихом океане...»

Изложенная здесь позиция является бесспорно позицией экспансионизма, позицией, согласно которой гегемония Индии должна бы распространяться от Сомали до Индонезии и от Гиндукуша до реки Меконг, то есть на все страны и территории, омываемые Индийским океаном. На наш взгляд, это едва ли является антиколониальной позицией.

101. Кто не слышал об эпической борьбе за свободу народов, населяющих наш субконтинент? Долгие годы все мы боролись рука об руку, хотя даже в то время, когда велась эта борьба, нынешнее руководство Индии выступало категорически против права Пакистана на свободное и независимое существование. Поэтому нас огорчает, что страна, столь недавно освободившаяся от иностранного господства, сейчас прибегает к

[11] New York, The John Day Company, 1946.
[12] London, George Allen and Unwin Ltd., 1945.

аргументам и интригам, присущим колониальным державам, чтобы лишить народ Кашмира бесценного дара свободы.

102. Представитель Индии заявил, что демократия, подобно благотворительности, должна начинаться с собственного дома. Я хотел бы напомнить ему, что это также применимо ко всем человеческим достоинствам и что самодовольство не может заменить праведности. Он утверждал, что Индия неустанно боролась в Организации Объединенных Наций за дело свободы Азии и Африки. Я думаю, что мне даже не нужно напоминать членам Совета о том скромном вкладе, который Пакистан пытался внести в дело борьбы народов Азии и Африки за освобождение от иностранного угнетения. Мы не считаем это нашей заслугой. Мы не стремимся к тому, чтобы это считалось нашей заслугой. Это — наш долг. Это — наша обязанность перед миром во всем мире и перед силами, борющимися с колониализмом. Это естественно, это нормально, это не является каким-то чрезвычайным событием. Мы не собираемся также утверждать, что влияние Пакистана в данном вопросе носило решающий характер. В каждом из этих случаев заслуга принадлежит народам и их руководителям, которые вели упорную борьбу, так же как народ Кашмира ведет упорную борьбу сейчас.

103. Как может Индия совместить свои действия в Кашмире с приписываемой ею себе ролью руководителя, организатора и вдохновителя движения за освобождение во всем мире? Те из нас, кто занимался в Организации Объединенных Наций этими проблемами, хорошо помнят нерешительность и колебания, которые проявляла Индия, когда в каком-либо районе мира ставился вопрос о самоопределении.

104. Я опасаюсь, что в своем стремлении опровергнуть мое заявление уважаемый представитель Индии забыл его внимательно прочитать. Он приписывает мне какие-то дифирамбы в адрес шейха Абдуллы. На самом же деле, хотя я и не могу не отдать должное страданиям и не могу не восхищаться самопожертвованием, проявляемым шейхом Абдуллой с 1953 года, похвальные выражения в его адрес, содержащиеся в моем заявлении, были не моими, они были сделаны премьер-министром Индии и они были приведены в кавычках. Если уважаемый представитель Индии опровергает их, он опровергает слова своего премьер-министра, а не мои слова. Далее он утверждает, что судебный процесс над шейхом Абдуллой ведется в соответствии с законом. Насколько это утверждение справедливо, можно увидеть из нижеследующего сообщения, опубликованного лондонской «Таймс» 30 сентября 1963 года:

> «В июне главный обвинитель г-н Панде отказался участвовать в этом процессе. Он заявил, что причитающийся ему гонорар можно использовать лучшим образом. По его словам, этот процесс может еще длиться от пяти до семи лет».

105. Этот же вывод подтверждается письмом, направленным премьер-министру Индии пятьюдесятью членами индийского парламента в сентябре 1963 года. Сообщение об этом письме, опубликованное в лондонской «Таймс» того же выпуска, гласит:

> «Члены парламента заявили, что, ввиду того что процесс над шейхом Абдуллой и его соратниками вызвал отрицательные отклики за рубежом, а также в связи с тем, что на этот процесс «были истрачены, как предполагают, огромные, невероятные средства», сейчас наступил «благоприятный момент», для того чтобы взять обратно обвинения.
>
> Если бы правительство Индии могло найти тактичный и политически безопасный путь отмены обвинений против шейха, таких призывов от оппозиции не потребовалось бы. Несмотря на то что нескончаемый процесс в Джамму начинают забывать, он лежит тяжелым грузом на политической совести Дели. Не говоря уже о судьбе самого шейха, многие люди выступают с осуждением этого довольно ясного политического процесса за то, что он оказывает давление на независимость и самостоятельность индийской юстиции.
>
> Если бы можно было заставить шейха Абдуллу дать обязательство не выступать за независимость Кашмира или за проведение плебисцита для определения его будущего, Дели было бы радо освободить его. Однако шейх заявил, что он сам держит в своих руках ключи от своей тюремной двери, но он не даст те заверения, которые от него требуют».

Однако если бы шейх был освобожден и выступал с требованиями об изменении нынешнего статуса Кашмира, это, мягко говоря, вызвало бы волнения. Это, повторяю, является сообщением о письме, направленном пятьюдесятью членами индийского парламента премьер-министру Индии, и комментариями на это письмо.

106. Представитель Индии заявил в начале своего выступления, что «не возникало никакой новой ситуации, которая могла бы ухудшить существующие в Джамму и Кашмире условия» (1088-е заседание, пункт 4). Иностранная держава, оккупирующая территорию вопреки желаниям ее населения, никогда не признáет наличие новой или тревожной ситуации в этой территории. Потребовалась бы большая государственная мудрость и необычная откровенность, чтобы Индия подтвердила наличие такой ситуации. То, что происходило за последние несколько недель в оккупированном Индией районе, было, по словам президента Мохаммеда Айюб Хана, «стихийным референдумом народа», в котором подавляющее большинство населения высказалось против Индии. Позвольте мне привести еще несколько выдержек в доказательство того, что в Кашмире возникла новая ситуация. Корреспондент лондонской газеты «Таймс» 2 января писал из Сринагара:

«Где бы ни собирались толпы,— а появление иностранных корреспондентов, которых сейчас осталось только два, достаточно, чтобы собрать выкрикивающую лозунги толпу,— раздаются призывы в поддержку шейха Абдуллы, проведения плебисцита и даже в пользу Пакистана...»

Он далее сообщает:

«...однако похищение волоса вынесло на поверхность все накопившиеся обиды кашмирцев и вызвало распад местной администрации и ее замену чиновниками и полицией извне — «из Индии»,— как сказал кашмирец, что привело к тому, что теперь объектом негодования станет, вероятно, Дели. Обсуждению кашмирской проблемы в прошлом всегда сопутствовала успокоительная уверенность, что по крайней мере оно не будет осложнено тем, что ожесточившиеся кашмирцы будут выражать свою волю. Поскольку этот вопрос вновь поднят на этой неделе в Организации Объединенных Наций, следует, видимо, отметить, что в этом старом уравнении появился новый фактор — самоутверждение кашмирцев».

Таким образом, иностранный наблюдатель говорит о «новом факторе в старом уравнении», но тем не менее представитель Индии заявляет здесь, что не возникало никакой новой ситуации.

107. Помимо этого в газете «Нью-Йорк таймс» было опубликовано следующее сообщение, присланное из Сринагара 5 февраля:

«Сегодня было заявлено, что правительство Индии «совершенно не знает подлинных чувств» населения спорного княжества Джамму и Кашмир.

Это мнение было выражено рядом ведущих деловых людей Кашмира, включая индусов, в этом преимущественно мусульманском районе.

По заявлению этих людей, которые просили не указывать их имена, «с 1954 года мусульманское большинство Кашмира выступает на стороне Пакистана».

Это мнение совершенно отличается от мнения, которое выражалось вчера...» — это заявил индийский министр без портфеля Лал Бахадур Шастри по возвращении в Нью-Дели.

Г-н Шастри... заявил, что в Кашмире существуют «явно проиндийские настроения».

Однако ведущие деловые люди Кашмира настойчиво утверждали, что большинство населения выступает за Пакистан».

Вот факты о превалирующем в Кашмире мнении, которое опровергает утверждение индийского представителя относительно того, что волнения направлены исключительно против местной администрации.

108. Корреспондент вашингтонской газеты «Санди стар» писал 26 января:

«Уже четыре недели кашмирцы, подняв внушительно дисциплинированный и ненасильственный бунт, демонстрируют свое враждебное отношение к мероприятиям по укреплению связей с Индией и решимость самим определить свою судьбу.

Миролюбивые заигрывания Индии и ее праведное негодование не являются эффективной заменой, видимо, единственного метода длительного урегулирования этого вопроса — предоставить, наконец, кашмирцам самоопределение».

Он далее сообщил:

«Соединенные Штаты сейчас не могут взять на себя обязательство оказывать Индии долгосрочную помощь оружием в течение нескольких следующих недель, как они планировали это, не подумав серьезно о возможных отзвуках их косвенной поддержки фактически колониального господства Индии в Кашмире».

В этом сообщении корреспондент указывает, что «правительство Индии предпочло скрыть подлинную картину событий в Сринагаре». В свете этого замечания неудивительно, что представитель Индии опровергает сообщение о том, что в Кашмире возникла новая ситуация.

109. Есть и другие сообщения иностранных обозревателей, как, например, сообщение в газете «Балтимор сан» от 5 февраля, в котором говорится, что «случай с волосом пророка, который, по мнению мусульман, был волосом Мохаммеда, является лишь симптомом проблем в индийской части Кашмира». Однако я вынужден ограничиться этими сообщениями, чтобы не перегружать свое заявление. Представитель Индии попытался представить кражу святой реликвии как отдельный инцидент. Он утверждал, что, после того как эта реликвия была якобы найдена, инцидент считается исчерпанным. Хотя правительство и народ Пакистана были глубоко озабочены этой кражей и не уверены, действительно ли этот волос был найден, я хочу ясно заявить, что мы стремимся обратить внимание Совета именно на то, что этот инцидент показал, а не на сам инцидент.

110. В газете «Таймс оф Индиа» было опубликовано важное сообщение, касающееся ситуации, сложившейся после организации выставки того, что, как утверждается, было святой реликвией. Согласно этому сообщению из Сринагара, председатель комитета народного действия заявил, что его запрещение не открывать магазины по пятницам будет действовать, пока не будут удовлетворены требования владельцев магазинов. Именно после нахождения святой реликвии Маулан Масуди заявил, согласно сообщению агентства Рейтер, что оккупированный Индией Кашмир является «настоящим полицейским государством, в котором каждый министр постоянно находится под охраной полиции». Он не только потребовал освобождения шейха Абдуллы, но и подверг критике преследования Гулама Аббаса и Юсуфа Шаха — двух кашмирских руководите-

лей, которые с 1947 года возглавляли движение за присоединение Джамму и Кашмира к Пакистану. Даже после нахождения святой реликвии продолжали поступать сообщения о забастовках в Сринагаре, о том, что движение расширяется в других городах Кашмира помимо Сринагара, и о повальных арестах.

111. В этой связи я хотел бы упомянуть недавние заявления Бакши Гулам Мохаммеда, который в течение десяти лет, начиная с 1953 года, был так называемым главным министром Джамму и Кашмира и таким образом главной опорой Индии в этом княжестве. Я уже цитировал (1087-е заседание) его заявление от 17 января 1964 года относительно того, что народ Кашмира требует освобождения шейха Абдуллы и проведения плебисцита. Это заявление было позднее «разъяснено», причем это было сделано так, что дало серьезные основания считать, что это «разъяснение» было сделано под давлением. У нас есть распространенное в Дели заявление Бакши Гулам Мохаммеда, которое, согласно достоверным сообщениям, все еще не было опровергнуто. В заявлении говорится:

«После того как в 1953 году шейх Мохаммед Абдулла был снят со своего поста и арестован за то, что он потребовал, чтобы Индия вывела свои войска из Кашмира в порядке подготовки для проведения обещанного плебисцита, я согласился с предложением занять пост премьер-министра этого княжества, поскольку я был искренне убежден в том, что общину религиозного большинства в Кашмире можно было бы убедить в необходимости оставаться в составе Индии и что в светской Индии они были бы в большей безопасности и им было бы лучше, чем в религиозном Пакистане.

В течение целых десяти лет я делал все, что мог, для достижения этой цели, но год за годом мое мнение изменялось, поскольку я видел, как события в Индии отражались на психологии кашмирцев».

Бакши Гулам Мохаммед далее заявил:

«Недавний случай со святой реликвией в Хазратбале явился потрясением для чувствительных кашмирских мусульман, которые сейчас открыто заявляют, что даже их религия и культура не могут быть в безопасности в Индии. Они заявляют также, что если Пакистан является мусульманским государством, то Индия является индусским государством, и что сам факт, что все, что выпадает на долю индусов в Пакистане, отражается гораздо сильнее на мусульманах в Индии, опровергает утверждение Индии, что она является светским государством, то есть государством, стоящим выше религии. Они опасаются, что завтра с ними могут поступить так же или хуже, чем с калькуттскими мусульманами.

Я уже знакомил представителей печати с их тремя непосредственными требованиями, а именно: освобождение шейха Абдуллы, проведение плебисцита и расследование обстоятельств, приведших к событиям 1953 года».

Он заявил также:

«Я откровенно подтверждаю, что то, что было сказано шейхом Абдуллой в 1953 году, я заявляю сегодня, по прошествии десяти лет. Даже сейчас я искренне предан Индии, и если дело дойдет до плебисцита, я, возможно, проголосую за Индию. Однако скрывать от индийского правительства и индийского народа подлинные настроения кашмирских мусульман — значит совершать грех и плохую услугу.

Многие могут вполне назвать это мое заявление шантажом, однако я ясно заявляю раз и навсегда, что я ни в коем случае не желаю вновь стать премьером Кашмира, даже если меня об этом попросят, и я никогда не приму это предложение. Я также не выступаю ни против смены нынешнего правительства княжества, ни против установления президентского режима или режима «садар-и-риасата», ни против того, что бы ни пожелало правительство Индии и народ Кашмира».

112. До настоящего времени Бакши Мохаммед был основным орудием осуществления замыслов Индии в Джамму и Кашмире. Заявление такого характера, сделанное главным представителем Индии в этом княжестве, приобретает огромное значение. Мы располагаем сведениями, что в настоящее время на него сказывается сильное давление индийским правительством и что он либо будет арестован и брошен в тюрьму, как его предшественник шейх Абдулла, либо он будет вынужден отказаться от своих заявлений. Заявления Шам-Лал Сарафа и Гирдхари Лал Догры, бывших в прошлом членами его правительства, в которых они обвиняют его в том, что он нанес ущерб интересам Индии, вызывают сильное подозрение, что правительство Индии жестоко накажет его за то, что он посмел обнародовать факты о Кашмире.

113. Вот некоторые факты, дающие представление о нынешнем положении в оккупированном Индией Кашмире. Если убийство полицейскими десятков людей, всеобщие забастовки, парализовавшие целые города, массовые демонстрации, в которых участвовало практически все взрослое население столицы, и угрюмое недовольство, стихийно вырвавшееся наружу перед иностранными наблюдателями, не представляют собой серьезной ситуации, то что же в таком случае, за исключением начала военных действий, может считаться опасной ситуацией.

114. Тот факт, что мир в Кашмире сохраняется лишь благодаря сдерживающему влиянию пакистанского правительства, несмотря на все обвинения, выдвинутые в наш адрес индийским представителем, подтверждается неоднократными требованиями правительства Азад-Кашмира и Объединенной мусульманской конференцией

Джамму и Кашмира об отмене соглашения о прекращении огня. Эти требования не следует сбрасывать со счетов. Они представляют собой стихийное выражение чувств в Азад-Кашмире, что является прямым результатом репрессий, от которых страдает оккупированный и подавляемый Индией Джамму и Кашмир.

115. Индийский представитель отрицает серьезность ситуации и обвиняет нас в том, что мы «нагромождаем ужасы», и в том, что мы являемся жертвами «пылкого воображения». Если представленные нами данные все еще являются недостаточными, пусть Совет Безопасности использует любые подходящие методы для тщательного и беспристрастного подбора фактов относительно оккупированного Индией района Джамму и Кашмира, включая также показания всех политических заключенных в этом районе. Мы не видим, как кроме проведения беспристрастного расследования можно, наконец, установить истину. Фактически мы не представляем себе, как Совет Безопасности может предотвратить угрозу международному миру и безопасности, если он не будет постоянно и беспристрастно следить за развитием ситуации в оккупированном Индией Кашмире.

116. Мы обратили внимание Совета Безопасности на нынешнюю ситуацию в княжестве Джамму и Кашмир и на серьезное ухудшение отношений между Индией и Пакистаном, что явилось прямым следствием этой ситуации. Мы считаем, что мы выполнили долг, налагаемый на нас Уставом, долг, заставляющий нас обращаться за помощью к этой всемирной Организации в целях улучшения обстановки, чтобы не допустить ее дальнейшего ухудшения и предотвратить обострение конфликта. Надежды на сохранение мира в нашем районе зависят от той помощи, которую Совет со своей мудростью и с чувством коллективной ответственности за судьбы человечества окажет нам. Мы молимся о том, чтобы эти надежды не были обмануты.

117. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(говорит по-английски)*: Благодарю министра иностранных дел Пакистана. У меня больше нет ораторов в моем списке на сегодняшнее дневное заседание. Я провел неофициальные консультации с членами Совета, и я хотел бы предложить, чтобы Совет вновь собрался в понедельник, 10 февраля, в 15 часов. Если нет возражений, то я считаю, что Совет принимает это предложение.

Предложение принимается.

Заседание закрывается в 17 час. 30 мин.

КАК ПОЛУЧИТЬ ИЗДАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Издания Организации Объединенных Наций можно купить в книжных магазинах и агентствах во всех районах мира. Наводите справки об изданиях в вашем книжном магазине или пишите по адресу: Организация Объединенных Наций, Секция по продаже изданий, Нью-Йорк или Женева.

HOW TO OBTAIN UNITED NATIONS PUBLICATIONS

United Nations publications may be obtained from bookstores and distributors throughout the world. Consult your bookstore or write to: United Nations, Sales Section, New York or Geneva.

Security Council Official Records,
19th Year, 1089 Meeting
(Russian)

May 1968—200